Аномалия

Автор:
Сергей Самаров

Аномалия

Сергей Васильевич Самаров

Спецназ ГРУ

Группа спецназа ГРУ подполковника Свентовитова должна захватить в Польше и вернуть на родину ученого Майтусенко, а с ним – сверхсекретный комплекс климатического оружия «Гранит». Дело в том, что изобретением ученого заинтересовалось слишком много террористов: и афганские талибы, и дагестанские боевики, и просто бандиты всех мастей, обосновавшиеся в польском «проходном дворе». Опередить их всех и выполнить задачу – для спецназовцев не самое трудное. Карты вдруг спутало Центральное разведывательное управление США, которое тоже заинтересовалось ученым. Теперь спецназовцам ГРУ придется работать не только дерзко, но и ювелирно…

Сергей Самаров

Аномалия

ПРОЛОГ

1. Россия. Псковская область

На двери райотдела милиции пружина была такая, что для ее открывания всегда требовалось немалое усилие. Дежурный по райотделу видел, что кто-то пытается открыть дверь и не может сделать это сразу, но поленился выйти из своего застекленного закутка, чтобы полюбопытствовать. Вообще-то по воскресеньям дверь иногда бывает и заперта на замок, но в этот раз дежурный старший лейтенант Седельников хорошо помнил, что оставил дверь открытой, когда в последний раз выходил на крыльцо покурить. И потому ждал.

Дверь наконец открылась, и в холл вошло чучело, иначе не скажешь. За появление в райотделе в таком виде можно было бы шутнику и накатить пару раз, чтобы шутить было неповадно. Именно с таким намерением Седельников и поспешил выскочить из своего закутка, окриком вызывая Ваню Ушкина, младшего сержанта, помощника дежурного. У Вани каждый кулак с два кулака старшего лейтенанта, и накатить он может более вразумительно.

Но оказавшись в холле рядом с чучелом, Седельников понял, что перед ним человек в обыкновенном охотничьем маскхалате, составленном из висящих и торчащих в разные стороны лоскутков, наклеенных на какой-то проволочный, что ли, каркас. В таком виде человек становится похож на диковинный куст или на елку. И даже голова была точно так же укрыта, хотя головной убор, видимо, существовал отдельно от маскхалата, потому что сейчас колпак был свернут в сторону и закрывал половину удивительно бледного лица и один глаз. Второй глаз смотрел на старшего лейтенанта испуганно и не слишком осмысленно.

Седельников на всякий случай потянул носом. Но от чучела спиртным не пахло.

– Ни хрена себе! – появился за спиной старшего лейтенанта младший сержант Ваня Ушкин.

Старший лейтенант не обернулся, чтобы обменяться мнениями, потому что увидел на крыльце еще кого-то. Но этот силуэт, кажется, был знаком с тяжелой пружиной и потому дверь открыл одним усилием. В холл вошел, поправляя на плече двустволку, Сергей Кузьмич, местный лесник. Связать появление чучела в охотничьем маскхалате и лесника было нетрудно. Это должны были быть явления одного порядка.

– Твой друг, Кузьмич? – строго спросил старший лейтенант, кивая на чучело.

И только после этого обернулся и взглядом остановил младшего сержанта Ушкина, который почесывал свой громадный кулачище.

– Ага… – заулыбался лесник беззубым ртом. – Это я подарочек вам подкинул. Принимаете?

– Браконьер, что ли?

– Не-а… Он без оружия. С фотоаппаратом, вот…

Сергей Кузьмич отогнул край маскхалата и показал большую фотокамеру, висящую на груди чучела. Чучело впервые, кажется, на глазах ментов совершило осмысленное движение и вытащило камеру, показывая полностью.

– И что, он нас пощелкать пришел?

– А хрен его знает. Я на мотоцикле еду, он бежит ко мне… В милицию, говорит, вези. А там, на опушке, машина его стоит. Сам не едет, вези, говорит… Я и привез…

– А зачем? – спросил младший сержант. – Мы его разве вызывали?

– Ты его знаешь? – спросил Седельников, уловив в голосе Вани какие-то странные нотки.

– В гостинице живет. По всему поселку ходил, про снежного человека расспрашивал. Приехал его фотографировать.

– Понятно. Еще один идиот… – Седельников говорил о фотографе не стесняясь, будто того здесь и не было. – А что он такой напуганный? Нашел, что ли, своего снежного человека?

Чучело вдруг закивало с такой яростью, но без слов, что менты заподозрили было недоброе.

– Он что, тебя изнасиловал? – спросил Ваня.

Но фотограф уже отрицательно замотал головой и протянул фотоаппарат, отстегивая тонкий ремешок, переброшенный через шею под маскхалатом.

– Я бы и не повез его, – сказал лесник. – Да там еще это…

– Что там? – спросил старший лейтенант строго, начиная соображать, что в лесу в самом деле что-то произошло, и, возможно, криминальное.

– Еще до того, как этого встретил. Иду, понимаешь, по опушке, высматриваю небо…

– Чего? – не понял Ваня.

– Небо, – пояснил Сергей Кузьмич. – Дымы смотрю на случай пожара…

– А-а, понятно, – кивнул младший сержант.

Их лесной и болотистый район большие пожары пока обходили стороной, и все несказанно радовались этому. И вообще в Псковской области, в сравнении с соседями, мало горело. Так, несколько пожаров в торфяниках, и все. Но дымовой чад в воздухе стоял. Из соседних областей, как говорили, приходил. Иногда ни солнца, ни луны в нормальном естественном виде рассмотреть было невозможно. Малиновое солнце днем и малиновая луна ночью – и так уже на протяжении месяца.

– Вот… Небо, понимаешь, смотрю. И как-то сбоку движение вижу и звук слышу. Это недалеко от места, где вон то чучело машину оставило. Я машину тогда еще не увидел. Позже только. Вот… Глянул, а там такое же чучело в маскхалате бежит. Недалеко от меня, метров двадцать пять, пожалуй. Ружья-то с ним нет, а чего тогда в маскхалате? И чего бегает? И в руке вижу что-то такое… Странное… На пистолет игрушечный похоже… Желтый такой пистолет, яркий… Бежит и на меня оглядывается. И колпак снял, в руке держит. Длинный такой мужик. Метра под два, если не больше… Я, конечно, прояснить хотел, что он в лесу делает. Кричу, чтобы остановился, а он в сторону, и еще быстрее. Так и убежал. Куда уж мне за ним с похмелья-то. А потом этот выскакивает. Я, грешным делом, сначала подумал, что один и тот же. Потом вижу, рост не тот. Этот сразу на меня бежит и в милицию просится. Это уж когда я на мотоцикл сел… Я как раз к мотоциклу и шел. Он у меня там стоял, на опушке…

– Так, а что случилось-то? – спросил старший лейтенант устало. – Дыма ты не нашел, чучела бегали. Ну и что? Суть-то в чем?

Разговор длился уже долго, а до сути происшествия еще не дошли.

Чучело посмотрело на старшего лейтенанта, потом на младшего сержанта, потом на лесника и только после этого сняло с головы свой маскировочный остроконечный колпак. И все увидели, что над левой бровью чучела нависла ярко-красная опухоль, уже почти сползшая на глаз. Посредине опухоли отчетливо виднелись две кровавые засохшие точки – места ранения.

– Пошли-ка сюда, – показал старший лейтенант Седельников на стол и стулья под окошком дежурного. – Присядь. Что, «Скорую» тебе вызвать?

Чучело согласно кивнуло. Сообразительный младший сержант Ушкин поспешил к телефону.

– Ты разговаривать, я слышал, умеешь? – спросил Седельников.

Чучело выдохнуло так, словно неделю дыхание не переводило:

– Умею.

Голос звучал жалко, у человека сил не было даже на то, чтобы разговаривать.

– Со мной-то говорил, говори и сейчас, – потребовал Сергей Кузьмич.

– Я сюда фотографировать приехал, – сказало чучело. – Йети искать, снежного человека…

Про этого йети, про снежного человека, говорили в районе много. И не только в районе. В Интернете по всему миру прошел видеосюжет, как какие-то парни застрелили снежного человека[1 - Этот сюжет обошел весь Интернет в середине августа 2010 года.]. Засняли только сам момент убийства, а что было потом, куда тело дели, неизвестно. Но была названа область и был назван район. Этого хватило, чтобы покатили сюда любопытные люди и журналисты. Но никто

толком им ничего объяснить не смог. Да, слухи про какого-то лесного великана ходят уже десятки лет. Еще до войны его в здешних лесах и болотах встречали. Но всегда видели только издали. И следы видели пятьдесят какого-то, пожалуй, размера. Следы босой ноги. Да, удивлялись. Но чтобы попытаться поймать такого, в голову никому не приходило. А тут люди повалили. Из разных городов страны и даже из-за границы, из Прибалтики и из Польши. Но об убийстве снежного человека в районе не знали. И даже в Интернете никто этого сюжета не видел, хотя в Интернет многие входят. В том числе и в милиции. Но, видимо, не на тех сайтах смотрят.

Конечно, как шумиха поднялась, многие видеозапись нашли и посмотрели. Но сказать что-то конкретное могли не больше, чем приезжие. Конечно, и место никто определить не мог.

– Дальше, – потребовал старший лейтенант. – Приехал фотографировать. На чем приехал?

– На машине. Машина моя там, в лесу, осталась.

– Очень хорошо. А почему ты сам на ней не приехал?

– Он колеса проткнул. Оба передние.

– Кузьмич, ты что хулиганишь?

Лесник возмущенно выставил перед собой ладони:

– Я – ни-ни…

– Не он, – пояснил фотограф. – Тот, второй…

– Вот, что-то начинает проясняться, – довольно кивнул головой старший лейтенант. – Кто такой этот второй? Что он там делал? Зачем колеса проткнул?

– Я не знаю. Я его за йети принял. Я приехал снежного человека фотографировать. Мне подсказали, что где-то здесь следы видели.

– Кто подсказал?

– Женщина какая-то. На почте в очереди разговаривали. Объяснила, я и поехал. Доехал до леса, машину оставил, сам в лес пошел, – самочувствие фотографа явно улучшалось, говорить он стал уже почти внятно. – В эти вот тряпки нарядился. В машине у меня припасены были. Залег перед болотом среди кустов. Час лежал. Потом смотрю, а он идет. Высокий, сутулый, лохматый. Я близко его подпустил и сфотографировал. Вспышка его испугала, и у него что-то в руке тут же блеснуло в ответ. И мне в голову ударило. И все… Не знаю, сколько я без памяти провалялся. Руки скрутило, ноги скрутило, все суставы болели, голова болела. Я только тогда понял, что в меня стреляли. Наверное, и ранили. Я к машине пошел. Смотрю, колеса проколоты. Этот… Йети… Он как раз в сторону машины пошел. А потом смотрю, мотоцикл, и этот… Кузьмич… Я и попросил в милицию…

– Из чего стреляли-то? – спросил старший лейтенант, разглядывая голову фотографа. – На «травматику» непохоже. Следы какие-то есть, но два следа. И явно не от пули. Не понимаю… Ладно. И где этого длинного теперь искать? Он тоже на машине был?

– Я не видел, – признался фотограф.

– Я тоже второй машины не видел, – сказал Сергей Кузьмич.

– Ладно, передам постам, – нехотя сказал старший лейтенант. – Потом посмотрим. Сейчас передам и бумагу принесу. Заяву пиши…

* * *

На удивление, найти высокого человека оказалось несложно. Дежурная машина милиции выцепила его с автовокзала накануне отхода автобуса на Псков. Человек оказался иностранцем, по-русски говорил плохо и с ужасным акцентом, сильно возмущался ментовской наглостью, но вынужден был предъявить свой рюкзак для досмотра. В рюкзаке оказался упакованный в чехол маскировочный халат со следами свежей грязи, какой-то непонятного назначения прибор в металлическом ящике и пластмассовый пистолет ярко-желтого цвета, напоминающий по форме детскую игрушку, но по весу явно для детской руки не

подходящий. В кармане легкой хлопчатобумажной куртки нашли шило. Скорее всего, инструмент, которым прокалывались колеса.

Желтый пистолет, шило и маскхалат стали опознавательными знаками и уликами. Мужчину задержали, с применением силы не допустив в отходящий автобус, и отвезли в райотдел, где он грозил всем большими неприятностями. Однако когда увидел, что его угрозы не сильно волнуют ментов, вытащил документы сотрудника датского посольства в Москве и потребовал, чтобы к нему вызвали из Пскова датского консула.

– Впервые слышу, чтобы в Пскове был датский консул, – сказал старший лейтенант Седельников. – По крайней мере, в моем служебном справочнике его телефонного номера нет. Может, в Питере таковой и имеется, только сюда он не сразу доберется. А пока доберется, вам придется, уважаемый господин дипломат, посидеть в нашей кутузке. Не переживайте, крыс мы там на прошлой неделе, кажется, вывели. Задержанные на них все равно жалуются, но это они врут. Правда, крыс как травили, они так под полом и передохли, а теперь из-под пола запашок идет. Но это не страшно. Переночуете, завтра, может быть, ваш консул и приедет. Или сразу поговорим? Без консулов?

– Мне надо быть звонить, – сказал задержанный.

Седельников подумал, что, с одной стороны, раскрутить дело с хулиганством дипломата было бы совсем неплохо. Все равно, конечно, дипломату даже пятнадцать суток не дадут, но хоть Ваня Ушкин руки разомнет. С другой стороны, такое дело могло бы скандалом обернуться. А скандалы молодому сотруднику милиции, когда всякими переменами по всей системе МВД постоянно грозят, ни к чему. Все-таки иностранец, и скандал будет международным. Не лучше ли иностранца передать тому, кто больше с ними работать приспособлен?

– Не-а, не надо тебе звонить. Сначала я позвоню…

Старший лейтенант пошел в свой закуток и позвонил дежурному по районному управлению ФСБ. Все управление состояло из шести с половиной человек, не считая состава погрангруппы, а она и не за управлением числилась, а за погранотрядом, который стоял в соседнем районе, граничащем с Эстонией. Но погранцы и здание отдельное занимали. А в управлении ФСБ были начальник, заместитель начальника, четыре опера и секретарша. Вот и получалось, что

шесть с половиной человек. При таком штате держать дежурного было смешно, и дежурный телефон поочередно переключался на домашние номера оперов или заместителя начальника. Сам начальник, естественно, функций оперативного дежурного нести не мог по уставу службы. Седельников попал на заместителя начальника, объяснил ему ситуацию, и тот пообещал через десять минут приехать вместе с начальником, чтобы забрать подследственного, естественно, только им сотрудника иностранного посольства.

* * *

– Старший лейтенант Седельников, – представился дежурный по райотделу, но приехавший начальник районного ФСБ от официального доклада отмахнулся.

– Теперь полный комплект…

– То есть? – не понял старший лейтенант.

– Есть Седельников, есть мой заместитель майор Саблин. Чего не хватает к седлу и сабле? Гусара. Но и он нашелся…

Старший лейтенант, естественно, знал, что районным управлением ФСБ руководит подполковник Гусаров. И пришел в милицию подполковник, судя по всему, в хорошем расположении духа, если сразу начал с шутки.

– Рассказывай по-человечески, что произошло? Задержанный, кстати, где?

– В «обезьяннике». Пусть привыкает…

– Вежливо это, и я, пожалуй, соглашусь с демократичностью твоих, старлей, действий. Если только есть серьезное правонарушение.

– Есть. Выстрел в человека из странного оружия, в результате чего пострадавшим получен серьезный ожог лица. Плюс к тому же проколотые колеса у машины. Мы отправили на место эвакуатор. Лесник место покажет, машину вывезут. Необходимо будет провести экспертизу и доказать, что колеса проколоты именно изъятым у задержанного шилом. Цель таких действий непонятна. Откровенные, скорее всего, хулиганские побуждения, причем с

нанесением увечья средней степени тяжести. По первой части статьи за хулиганство дают от десяти до тридцати суток, по второй части от двух до пяти лет. А наши события уже полностью под вторую часть тянут. Хулиганов, даже если они иностранные дипломаты, надо воспитывать жестко, иначе потом хлебнем с этим.

– Ладно. С побуждениями разберемся. Рассказывай суть дела.

– Пострадавшего, гражданина Кнориса Аркадия Львовича, «Скорая» увезла. Оказывают первую возможную помощь, потом отправят дальше на лечение. Заявление он написал, аж на трех страницах мелким почерком, но почерк очень неразборчивый. Говорит, пальцы у него после инцидента сводит. Я, если можно, сообщу суть своими словами.

– Гони. С подробностями.

Старший лейтенант неторопливо и вдумчиво, выстроив события в хронологическом порядке, но без собственных комментариев, рассказал все, что услышал от пострадавшего фотографа и от лесника. И сразу после этого выложил на стол, что нашлось в рюкзаке и в карманах задержанного. И даже его брючный ремень приложил к этому. Ремень, согласно правилам, сняли, когда отправляли человека в камеру. Это чтобы не повесился. Такое уже случалось раньше. Потом из ящика стола достал документы, но их положил отдельно.

Подполковник в документы не посмотрел, поскольку, кроме фамилии и гражданства, ничего из них узнать не мог, а это ему и без того было уже известно, но сразу взял в руки пистолет. А майор Саблин, чтобы не выглядеть статистом, пододвинул к себе металлический ящик с прибором. Стали рассматривать внимательно.

– «Тазер Икс 26-эм», – сообщил подполковник таким тоном, словно все знали, что это такое.

Оказалось, не знали.

– Что это за штука? – поинтересовался старший лейтенант.

– Не встречался? – подполковник был рад оказаться знающим в среде незнающих.

– Не доводилось.

– Мне тоже, честно говоря. Знаю только по публикациям в спецлитературе. Пистолет электрошокового действия, стоит на вооружении французской полиции, имеет разряд в 50 киловольт. Долбанет – мало не покажется. Неделю волосы дыбом стоять будут. Стреляет двумя металлическими пластинами-стрелками на дистанцию до шести, кажется, с половиной метров или около того. Пластины соединены с самим пистолетом тонкими проводами. После выстрела автоматически меняется кассета с пластинами. В комплекте четыре кассеты. И можно производить следующий выстрел. Пораженный на какое-то время теряет связи между мозгом и конечностями, иногда и сознание, ориентацию в пространстве. Все зависит от индивидуальных способностей организма к токопроводимости.

– Это что, как электрошокер? – спросил старший лейтенант Седельников.

– Примерно. Только дистанционного действия. Напряжение разряда меньше, чем у электрошокера, но другие частота колебаний и сила тока. И чуть меньшая сила поражения. Хороший электрошокер на полчаса вырубает, пистолет – на пару минут.

Старший лейтенант вытащил из ящика стола еще и электрошокер, показал подполковнику с улыбкой. Тот взял в руки, рассмотрел:

– Тоже вещдок?

– По другому делу. Днем сегодня мужик пьяный шел, у него сигарета потухла, а в зажигалке газ кончился. У девок молодых зажигалку спросил. Они ему электрошокер подсунули. Сначала разрядом в стороне блеснули. Потом в руки дали, показали, где нажимать. Тот сдуру к носу поднял и нажал кнопку…

– И как? – с улыбчивым любопытством спросил подполковник Гусаров.

– Плохо. На носу же нервные окончания собираются. Как долбануло, мужик сознание потерял. В себя пришел – нос разнесло так, что шире лица стал. И почернел.

– Задержали девок?

– Задержали. Прохожие позвонили, сообщили. Несовершеннолетние. Вызвали родителей, провели беседу, отправили домой. Захочет пострадавший, подаст в суд, пусть там разбираются; не захочет – его дело.

– Нашему пострадавшему хотя бы нос в целостности оставили? – спросил Гусаров.

– Ему в надбровье попали. Опухоль сойдет, а синяк будет обеспечен. И кожа вокруг обожжена. Возможно образование шрама от ожога. И врач говорит, самое неприятное, что все суставы поражены. Двигается с трудом. Шоковое состояние заставляет двигаться. Через пару дней, если не лечить, не сможет ни ногой, ни рукой пошевелить. Его отправят в областной ожоговый центр. Все из-за того, что попадание было в лицо. Если бы в любую другую часть тела, все обошлось бы легче. А так получилось, что током по мозгам дали почти напрямую.

– Тем не менее этот выстрел мы не можем полноценно выставить как хулиганство, – сделал вывод подполковник. – Хороший адвокат всегда сможет оправдать выстрел внезапной вспышкой фотокамеры, естественным испугом и адекватным действием. Просто несчастный случай, недоразумение. Кстати, цель своего появления в наших местах этот датчанин не объяснил?

– Он разговаривать без консула и без адвоката не желает. Я хотел было применить испытанное средство для повышения разговорчивости…

– Водку? – уверенный в ответе, спросил майор Саблин.

– Нет, Ваню Ушкина, – невозмутимо ответил старший лейтенант и показал большим пальцем за спину, где в дверном проеме стоял, почесывая кулак, младший сержант.

Средство впечатлило даже видавших виды офицеров ФСБ. По крайней мере, в глазах у них при виде кулаков Ушкина появилось уважение.

– И что?

– Иностранец все-таки, дипломат… Дурак, одним словом, не поймет аргумента.

– Это да, – согласился подполковник. – Иностранцы, они все сплошь тупые. А с приборами у нас что?

Старший лейтенант с подполковником повернулись к майору Саблину.

– Здесь несколько приборов в одном. Могу только точно сказать, что есть передатчик. Что-то типа трубки мобильника, работающего в одну сторону. Но он выключен. Я посмотрел, полностью, кажется, посажен аккумулятор. Даже «поплыл». Видимо, от попадания солнечных лучей корпус сильно грелся. По нынешней-то погоде на открытом месте никакой аккумулятор не выдержит. Если, конечно, этот стоял на открытом месте. А он стоял. Не знаю, правда, на открытом или на закрытом, – майор повернул ящик с приборами набок, показывая, что к днищу прилипло множество травинок и немного бурой земли. – Скорее всего, обладатель ящика землю и траву стряхивал, но не слишком тщательно. Просто рукой смахнул или слишком спешил, чтобы быть тщательным. Времени не имел. Возможно, на автобус опоздать боялся.

– Так что, это шпион, а не дипломат? – наивно спросил старший лейтенант.

– А ты скажи мне, Седельников, где ты видел дипломата, который не является шпионом? Ну, за исключением министра иностранных дел. Не бывает такого противоестественного явления в природе. Дипломатов для того и посылают в чужую страну, чтобы они там все разнюхивали и вынюхивали и сообщали свои выводы.

– Домой вернусь, деду расскажу, похвастаюсь, – заулыбался старший лейтенант.

– А кто у тебя дед-то будет?

– Он в войну в «СМЕРШе» служил.

– Жив еще? – спросил Гусаров.

– Старая гвардия наша, – восхитился Саблин.

– Девяносто три года. Последние три года лежит, не встает. Порадую старика. Он мне в детстве, помню, много всякого рассказывал. Теперь и мне есть что сказать.

– Скажи. Но лучше, кроме старика, никому. Что там еще, Алексей?

– Вот это, Денис Юрьевич, мне кажется, какой-то мини-компьютер. Наверное, всей системой этого ящика управляет. По крайней мере, он имеет соединение со всеми приборами. У него, кстати, аккумулятор цел, состояние рабочее, но разбираться с ним нужно экспертам.

– Позвонить нашим экспертам? – предложил услужливый старший лейтенант.

– Спасибо, – сухо отказался подполковник. – У нас свои эксперты. Отправим в Псков, а оттуда уже в Москву отгонят. Здесь экспертиза серьезная нужна. Что еще?

– Могу точно сказать еще только в отношении двух приборов. Первый – это абсолютно точно – лазер. Причем настроенный на строго вертикальный луч. Здесь даже два уровня есть, чтобы прибор выставлять. В отношении второго точно сказать не могу, но, мне думается, это анализатор воздуха. Не термометр, а анализатор. Не температуру показывает, а химический состав. И, по всей видимости, передает данные через радиостанцию. Передавал то есть.

– А лазер зачем?

– Могу только предположить, что это как маяк. Для поиска прибора с большого расстояния. Например, из космоса.

– Очень интересно. Хорошо иметь в заместителях технаря, – сказал подполковник Гусаров. – Что, интересно, понадобилось в наших краях иностранному шпиону? Наверное, даже не датскому, но это не важно. Анализатор воздуха… Нашей аномальной жарой интересуются?

– Чем-то интересуются, – сказал старший лейтенант.

Подполковник достал из кожаного чехла трубку мобильника и набрал номер:

– Здравия желаю, товарищ полковник. Подполковник Гусаров беспокоит. У нас интересное дело открылось… Нет, это не про снежного человека, это гораздо интереснее и полностью по нашему профилю…

2. Россия. Самарская область

Костер, естественно, не разжигали даже ночью. Да и кто в такую погоду костры разжигает… Температура воздуха даже ночью была временами выше обычной дневной летней температуры. Но дело даже не в этом. «Террористы» боялись выдать себя светом костра.

Охоту за «террористами» вели бойцы спецназа ФСБ и спецназа внутренних войск. Парни опытные и поднаторевшие в подобном поиске в многочисленных командировках на Северный Кавказ. Правда, их командование, желая получить быстрый и эффектный результат, изначально было категорически против того, чтобы в роли «террористов» на этих масштабных учениях выступали бойцы спецназа ГРУ, мотивируя свое желание тем, что настоящие террористы, как правило, не имеют такой подготовки, как спецназ ГРУ. Но руководители учений посчитали, что подготовка террористов может быть разная, как и состав настоящих террористических групп. А часто встречающиеся среди бандформирований наемники давали право предположить, что какая-то отдельная группа может быть составлена исключительно из одних наемников, бывших спецназовцев разных стран. Причем спецназовцев не только подготовленных в боевом отношении, но и фанатично уверенных в том, что занимаются правым, с их точки зрения, делом. В этом случае террористы могут оказаться в состоянии предложить преследователям несколько неожиданных сюрпризов. И к подобному повороту событий следует быть всегда готовым. А как к нему подготовишься, если учишься противостоять заведомо слабым?

Исходя из этого принципа в «террористы» на этот раз записали отдельную мобильную офицерскую группу спецназа ГРУ, обычно называемую просто ОМОГ, под командованием подполковника Свентовитова. И группа показала то, что принято называть боевым классом. Обозначив себя в одном месте, почти на глаза выставившись преследователям и основательно растравив их, как зверь

травит гончих собак, без следа ушла у них из-под самого носа и спокойно отсиживалась в 30 километрах от места, где их искали, единым быстрым переходом преодолев это расстояние так, что никто со стороны группу, кажется, не заметил. Если бы кто-то заметил, то, скорее всего, сообщил бы официальным поисковикам. Хотя на это надеяться тоже не следует. Все местные жители знают, что в районе проходят антитеррористические учения, и редко кто пожелает в них вмешиваться по собственной инициативе. Бегают военные, и пусть себе бегают, если им больше заняться нечем. У местных же жителей своих забот – карманов не хватает. После страшной засухи, просто небывалой засухи, когда даже трава пересохла, первая забота у селян – как и чем собственный скот прокормить, чтобы самим зимой зубы на полку не складывать. Да еще пожарами пугают. Хотя в Самарской области их, в сравнении с более северными соседями, было не так и много, тем не менее пожаров все боялись, потому что люди знали: огонь по сухому полю бежит со скоростью курьерского поезда, и если заполыхает где-то лес, потом загорится и поле, и огонь доберется до заборов раньше, чем человек проснуться успеет. Общее беспокойство в воздухе висело. А что военные какие-то игры устраивают, это касалось немногих. Лишь бы эти военные костры не жгли и не подвергали жителей угрозе пожара.

Они не жгли. Им самим это было невыгодно, потому что костер обязательно привлек бы чье-то настороженное внимание. И если просто идущую через лес или через поле группу только взглядом проводят, то о костре или вообще о столбе дыма сразу сообщат спасателям; те проверят, поймут, в чем дело, обругают военных, и, хотя бы только для предотвращения угрозы пожара, вынесут предупреждение, которое до поисковиков дойдет обязательно.

Теперь осталось только ждать, когда преследователям надоест искать на пустом месте и они начнут расширенный поиск в окрестностях. Тогда придется снова показать им хвост, дать дезинформацию и увести еще дальше от объекта, который группа «террористов», согласно легенде, должна захватить. Сам объект преследователям неизвестен. Ясно только, что условная «банда» выдвигается в глубину территории с целью проведения террористического акта. А когда основные силы противоположной стороны будут уведены в сторону, последует стремительный марш-бросок к предполагаемому объекту захвата. Время марш-броска при этом должно быть минимальным, а время, потраченное преследователями на поиски, наоборот, максимальным. Этот маневр создаст необходимый запас, который понадобится для захвата объекта. А потом уже можно спокойно ждать, когда преследователи будут отрабатывать варианты штурма. Может быть, что-то у них и получится в условной войне, хотя сами офицеры спецназа ГРУ были уверены, что в настоящей войне они точно достигли

бы своей цели и любой штурм был бы уже не нужен…

* * *

– Чайку бы сейчас горяченького… – сказал старший лейтенант Простаков.

– После бани полагается чай пить, – согласился майор Веримеев. – Сегодня днем баня была знатная. Интересно, за 40 перевалило?

– По прогнозу не дотянуло, – сказал радист-шифровальщик, старший лейтенант Корсаков, который прогнозом погоды интересовался только по чьей-то просьбе, поскольку сам был одинаково равнодушен что к жаре, что к холоду. – Обещали 39. Сколько в натуре было, не знаю, не слушал. Да и какая разница, пятью градусами выше, пятью градусами ниже. Лето, оно и есть лето; будет зима, она зимой будет. И весь разговор. Принимайте все, как должное. Так погоду легче пережить.

– Можно подумать, что мы плачем неустанно по поводу этой жары, – возмутился Веримеев. – Простаков, ты сильно плачешь?

– Безутешно и беспрерывно. Но чаю все равно хочется.

– В ресторан сходи. Только попроси, чтобы тебе чай водкой не разбавляли, – посоветовал командир. – Сколько от нас до ближайшего ресторана?

– Если до Самары бежать, Вал Саныч, то километров полста будет, – сориентировался Веримеев. – Отпускай. К утру успеет вернуться. Только не знаю вот, где там ночные рестораны. Ты не знаешь, Простаков?

– Я в Самаре впервые был, когда «вводную» на учения получали.

– Ночных ресторанов там не помню, – вставил свое слово капитан Туруханов. – Придется Славке без чая сложности жизни пережить.

– Пусть по-быстрому подружку себе заведет. Она его чаем напоит, а он ее надежды обманет и к нам убежит, – подсказал старший лейтенант Корсаков.

– Тогда зачем до Самары носиться? – рассудил командир. – Рядом куча населенных пунктов. Женским полом все они обеспечены, запасами чая женский пол обеспечен. Пусть гонит. До утра мы, скорее всего, с места не сорвемся.

Они сидели впятером не на лесной поляне, где были бы открыты взглядам со всех сторон, а на опушке этой поляны, прикрытые со всех сторон невысокими кустами дикой вишни. Еще четверо офицеров отдыхали здесь же, и последняя четверка была выставлена на посту по основным направлениям, с которых группу можно было застать врасплох. Вообще-то таких направлений было всего три, но подполковник Свентовитов подстраховался и выставил дополнительный пост со стороны Волги, до которой от места их привала было всего несколько километров. Берег здесь был такой, что по нему подойти к группе было невозможно, но река, к тому же такая большая, вполне может стать путем подхода. И хотя Валентин Александрович был стопроцентно уверен, что никто не сумел засечь группу, он все же решил подстраховаться.

Перед началом учений трех командиров групп – командира группы условных террористов подполковника Свентовитова, командира группы спецназа ФСБ полковника Ермолаенко и командира группы спецназа внутренних войск подполковника Выховцева – представили друг другу. На случай каких-то непредвиденных событий, как это делалось обычно, они обменялись номерами мобильников, но, естественно, договорились, что созваниваться противоборствующим сторонам разрешается только при форс-мажорных обстоятельствах. Однако и номеров телефонов при этом хватило, чтобы контролировать передвижение противника и слушать его переговоры. Сам Валентин Александрович вставил в свою трубку другую sim-карту, чтобы не контролировали его самого и его переговоры не слушали. Еще несколько месяцев назад по совету специалиста из головного управления ГРУ подполковник Свентовитов поставил на свой смартфон программу Spy Phone Suite Advanced[2 - К сожалению, программа эта открыто продается через Интернет, и применить ее может каждый преступник, что говорит о необходимости всем абонентам сотовой связи держать язык за зубами.], способную контролировать местонахождение sim-карт по введенным в программу номерам и прослушивать ведущиеся с трубки разговоры. Причем точность определения местонахождения составляла около 30 метров, чего, как в боевых условиях, так и в учебных, вполне хватало для принятия своевременных мер. Раньше Валентин Александрович вынужден был через свое командование связываться с Управлением космической разведки ГРУ, чтобы получить точно такие же данные. Ну разве что там точность определения чуть-чуть выше – до полуметра. Теперь такой необходимости не было, а на учениях Управление

космической разведки снабжать группу данными и права не имело.

Программа не умела справляться с прослушиванием только двух трубок: со смартфоном iPhone, если у того не вскрыта программа (что по нынешним временам редкость), и Black Berry нескольких моделей, если разговор ведется с другой точно такой же трубкой. Последние имеют свой внутренний шифратор и дешифратор. На Западе исключительно ими пользуются все банковские служащие, если ведут конфиденциальные деловые разговоры. В России Black Berry долго и упорно не сертифицируют, видимо, как раз по этой причине. Советская привычка сказывается. Силовым структурам, как и бандитам разного толка, хочется знать, о чем ведутся разговоры. Но трубки в Россию в широком масштабе все же поставляются «серыми дилерами», и встретить такую можно часто, а купить без затруднений. При этом определить местонахождение абонента возможно в любом случае, независимо от взлома программы или наличия шифратора, и этого порой бывает достаточно. Все зависит от цели, которую преследует оператор, работающий с Spy Phone Suite Advanced.

Подполковник Свентовитов предвидел, что в этих учениях его трубка может ему пригодиться, и не видел в своих хитростях ничего предосудительного, поскольку настоящие террористы такими программами могут владеть, а какая-то случайность может дать им в руки и телефонный номер командира преследующей группы. И потому без сомнения и умело пользовался программой, легко определяя, где находятся его оппоненты. А командиры групп, естественно, находились среди своих бойцов. И при приближении угрозы группа спецназа ГРУ вполне могла вовремя перейти на стремительный марш-бросок в нужном направлении. Пока, однако, такой угрозы, кажется, не предвиделось. Тем не менее контроль подполковник Свентовитов периодически повторял. Повторил и в этот раз перед тем, как лечь отдыхать. И включил смартфон. Программа показала на экране карту, а на карте – две светящиеся точки. Командиры групп ФСБ и спецназа ВВ находились там, где им и положено было находиться, – недалеко друг от друга, но в районе, который «террористы» давно уже покинули. Можно было не переживать, отдать последние распоряжения и лечь спать, будучи уверенным, что офицеры ОМОГ со своими задачами справятся и без него. Не виделось осложнений, способных прервать командирский сон, поскольку преследователям потребуется несколько часов, чтобы добраться до «террористов». А спать долго и непробудно Валентин Александрович не умел.

Свентовитов зевнул смачно, но не громко.

– Ложись, Вал Саныч, – посоветовал майор Веримеев. – Мы без тебя сменимся.

– Действуйте…

Подполковник положил под руку свой планшет, а на руку голову. И сразу, словно по приказу, заснул. Тренированное подсознание хорошо чувствовало, когда следует заставить организм засыпать сразу, как и то, когда следует его будить…

* * *

А разбудило подсознание подполковника уже вскоре, для офицера спецназа ГРУ разбудило образом достаточно привычным, но в данной конкретной ситуации выходящим из норм. Автоматная очередь могла прозвучать где-нибудь там, на Северном Кавказе, и не было бы в этой очереди ничего удивительного. Но подполковник Свентовитов обладал хорошей для спецназовца способностью просыпаться сразу с ясным сознанием и с пониманием обстановки в том виде, в котором он ее оставил, засыпая. Так просыпаются дикие животные. И точно так же, как подполковник, они не вскакивают резко, но, проснувшись, еще вслушиваются в темноту, чтобы принять решение к действию, адекватному ситуации. Валентин Александрович сразу осознал, где он находится и в каком положении, и даже то осознал, что патроны группой получены холостые, следовательно, в автоматной очереди и необходимости, по сути дела, возникнуть не должно бы. И сама эта очередь Валентину Александровичу не приснилась, хотя сон он видел, связанный с недавней командировкой в Дагестан, и там, во сне, стреляли. Это же подтверждало и то, что подняли головы другие бойцы, и вскочил на ноги дежурный по группе, который, как и положено дежурному, не спал. Более того, боевой опыт позволил подполковнику, уже задним числом прочитав звуки, определить направление, с которого очередь дошла до его слуха. Это было как раз то направление, которое считалось самым малоперспективным для нападения на лагерь «террористов», то есть с берега Волги. Вернее, со склона горы, стоящей на волжском берегу, ибо пост располагался именно там, и Валентин Александрович сам его выставлял и потому помнил местность.

В случае общей тревоги часовой вполне мог воспользоваться «Подснежником»[3 - «Подснежник»– коротковолновая миниатюрная радиостанция ограниченного радиуса действия, предназначенная для связи внутри группы. Состоит из

собственно радиостанции, размерами лишь слегка превышающей обыкновенную трубку сотового телефона, наушника, вставляемого в самое ухо и потому практически невидимого, и микрофона, крепящегося на гибком «поводке» к воротнику.], чтобы тихо, без звука предупредить остальных. А автоматная очередь могла быть вызвана только какими-то чрезвычайными обстоятельствами, и в голову сразу даже прийти не могло, что это за обстоятельства такие могут возникнуть в центре России, где боевых действий со времен Гражданской войны, закончившейся чуть меньше века назад, не ведется.

Времени, что было потрачено на сон, прошло совсем мало, в чем подполковник сразу же убедился, только взглянув на часы с фосфоресцирующими стрелками и часовыми отметками. Кроме него, на месте привала оставались четверо офицеров группы, значит, еще четверо ушли, чтобы сменить часовых. Ушли, но, скорее всего, еще не дошли. Значит, стрелял не смененный пока часовой капитан Лысенков.

Валентин Александрович привычным движением включил «Подснежник» в режим общей связи и поправил около рта микрофон:

– Парик, я – Первый! Докладывай…

– Тип какой-то… По склону бродил. Встретиться пришлось… Стрелял в меня непонятно из чего. Я холостую очередь дал, он с обрыва свалился. Ищу дорогу вниз. Посмотрю, что с ним…

– Кто идет на смену Парику?

– Я – Лох, уже рядом, – доложил старший лейтенант Простаков. – Уже вижу Парика. Парик, подожди, не спускайся. Я на подходе.

– Поторопись, Слава. Я иду к вам.

– Осторожнее, товарищ подполковник. В темноте с этой тропы свалиться недолго, – предупредил капитан Лысенков.

* * *

– Вот такая непонятная штучка здесь оказалась. С этого места как раз тот тип и свалился. Что-то он здесь делал… – Капитан Лысенков подсветил неярким светодиодным фонариком, показывая подполковнику металлический футляр, в котором были плотно установлены какие-то приборы непонятного назначения.

– МЧС на случай пожара приборы выставляет? – спросил Валентин Александрович.

– Но не ночью же… – пожал плечами капитан.

– Что там с самим?..

– Лох уже спустился. Лох…

– Первый. Пострадавший без сознания, но жив. Наверняка несколько переломов. Голова цела, но рассечена. Лицо кровью залито. Сейчас документы поищу.

– Одет во что? Форма МЧС?

– Гражданский костюм. Полностью гражданский, одет парень откровенно не для леса. Даже с галстуком. Вот, есть документы. Сейчас гляну, где у меня фонарик…

– Стрелял зачем? – спросил подполковник Лысенкова.

– Увидел, как он пистолет вскидывает, перекатился, и из автомата… Реакция сработала. Да патроны-то холостые.

– Стрелять не нужно было, – назидательно сказал Свентовитов. – Мы не в том положении, чтобы к себе внимание привлекать. Напугал человека, он и свалился.

– Да, он от очереди шарахнулся и упал, – признал капитан свою вину. – А зачем в меня стрелял?

– Я, кстати, пистолетного выстрела не слышал.

– А его и не слышно было. Яркий какой-то пистолет. С шипением вместо выстрела…

– Где пистолет?

– Не знаю. Он вместе с ним свалился. Искать надо.

– Первый, я – Лох. У нас, кажется, крупные неприятности, – доложил снизу старший лейтенант Простаков.

– Отдал богу душу?

– Нет. К сожалению, еще дышит.

– Почему «к сожалению»?

– Я документы посмотрел. Это дипломат. Секретарь канадского посольства. Доставлять его в больницу – способ выйти из учений, то есть стать проигравшей стороной.

– Он здесь, на горе, собирался обустроить консульство, – откуда-то со стороны продемонстрировал чувство юмора майор Веримеев. – А Парику его намерения не понравились, потому что он не любит ни гамбургеры, ни чизбургеры[4 - Фирма «Макдоналдс», пичкающая россиян гамбургерами, чизбургерами и прочей генно-модифицированной продукцией не первой свежести, является канадским предприятием, а вовсе не американским, как принято считать.]. И вот результат.

Командир чувство юмора майора не оценил и сразу затребовал к себе самого технически подкованного члена группы:

– Я – Первый! Смените Пирата на посту. Пират, ко мне! Посмотри, что здесь за приборы. Это, возможно, по твоей линии…

– Первый, я – Пират! Понял, иду, как только сменят, – ответил радист-шифровальщик старший лейтенант Корсаков.

Как-никак, старший лейтенант заканчивал не училище спецназа, а училище связи, и являлся в дополнение ко всему инженером-электронщиком, а в спецназ попал как имеющий дополнительно ко всему еще и спортивную подготовку. Спорт при новой службе пришлось, конечно, бросить из-за невозможности систематических тренировок, но тренировки в спецназе превосходили по интенсивности таковые в спортивном клубе, и сам Корсаков признавал это.

– Парик, он в себя еще не пришел?

– Нет. Даже не стонет.

– Состояние, наверное, тяжелое?

– Метров 40, как мешок с дерьмом, катился.

– Плюха, свяжись с командованием учений, доложи обстановку. Я занят разбирательством. Объясни, что требуется следственная бригада ФСБ. С экспертом по электронике. Наш старший лейтенант сейчас, как с поста сменится, попробует с их электроникой разобраться и ничего не сломать. Это на случай чего-то срочного. Если срочного не будет, он оставит все в первозданном виде. Звони.

– Понял, – отозвался майор Веримеев уже без шуток.

Сменили старшего лейтенанта быстро, но времени ожидания вполне хватило, чтобы капитан Лысенков на ощупь, не включая сильный фонарь, дабы самому не засветиться, нашел в кустах на крутом склоне пистолет, из которого в него стреляли.

– Товарищ подполковник… – позвал он командира, который с маленьким фонариком, прикрывая луч с одной стороны кустом, с другой своим телом, пытался понять, что за приборы им достались, но это было выше его уровня знаний. – Странное какое-то оружие. И звук выстрела был странный.

Командир молча подошел и взял в руки ярко-желтый пластмассовый пистолет. Повертел в руках, не совсем понимая, что это такое. Но, зная общие принципы любого персонального оружия, все же разобрался, что к чему, и вытащил из

излишне широкой и неудобной рукоятки то, что заменяло здесь обойму. В нижней части обоймы было укреплено что-то, сильно напоминающее аккумулятор, выше его – какое-то подобие трансформатора, потом один за другим шли четыре миниатюрных контейнера. Верхний был уже пуст. В заполненных даже при свете слабого фонарика можно было рассмотреть две торчащие стрелки и катушки с проводами.

– Думаю, это электропистолет, – предположил Валентин Александрович. – Ты где в момент выстрела находился?

– Там, – показал капитан.

– Ищи от места стрелка до своего места. Где-то должны быть провода и контакты на их конце. Эти контакты должны были в тебя угодить, но, к счастью, не угодили, а то, боюсь, ты от удара током поджарился бы.

Капитан двинулся на поиски, а на его место тут же подошел старший лейтенант Корсаков. Принял пистолет из рук подполковника:

– Читал я про такую штуку.

– Что это?

– Электрошоковый пистолет «Тазер Икс 26-эм». Так называемое несмертельное оружие. Стоит на вооружении французской полиции и жандармерии. На несколько минут вырубает человека мощным электрическим разрядом. Поставлен на вооружение после массовых волнений в Париже. Помните, когда азиаты и африканцы пригороды Парижа громили? Током лупит, скорее всего, будь здоров. От любого насморка одним выстрелом вылечит.

– Пуля нормального пистолета от насморка лечит не хуже. Особенно если попадет в сердце. И без всякого электрического разряда. К чему такая жестокость…

– Как же я вовремя успел перекатиться… – со стороны сказал в микрофон «Подснежника» капитан Лысенков. – Меня как в детстве током один раз долбануло, с тех пор я электричества боюсь панически, на подсознательном

уровне.

– Вот на подсознательном ты и перекатился. И потому очередь дал вместо того, чтобы просто в рожу дать, – прокомментировал слова капитана командир. – Лох, что там с иностранцем?

– Открыл один глаз. Второй залит кровью, не открывается. Может, даже выбил ударом о камень. Здесь камни острые. Вертолет, думаю, требуется, чтобы вывозить.

– Я так и заказал группу ФСБ с врачом на вертолете, – сообщил майор Веримеев. – Там в штабе генерал-лейтенант ФСБ Тарасько из Москвы. Очень заинтересовался. Он вылетает на место вторым вертолетом. Нам приказано оставаться на месте. Учения считаются приостановленными, но не закрытыми. Они ждут приезда президента и потому закрыть учения не решаются.

– Сообщи, что мы ждем на месте. Пострадавшего не трогаем. Возможно, после такого падения поврежден позвоночник.

– Хорошо, я звоню.

У майора Веримеева, единственного из группы спецназа ГРУ, имелась трубка спутниковой связи, которую прослушать и проконтролировать значительно труднее, чем обычную трубку, если не подключать систему контроля Управления космической разведки ГРУ. И потому переговоры вел именно он. Командир по необходимости трубкой майора пользовался, но не злоупотреблял…

* * *

Вызванная группа прилетела через полтора часа. И даже не на одном, а на двух вертолетах. Около часа эксперты и следователи все осматривали, измеряли, допрашивали капитана Лысенкова, проверяли магазины у всей группы на предмет наличия в штатном оружии боевых патронов, словно подозревали спецназовцев в том, что они подстрелили иностранного дипломата. Одновременно с пострадавшим работала целая бригада медиков-травматологов, в том числе и реанимационная группа. Состояние канадского дипломата оказалось достаточно тяжелым, подозревали перелом позвоночника, не считая

множества других переломов. Более точные данные можно было дать только после рентгеновского обследования, которое в полевых условиях из-за отсутствия в вертолете соответствующего оборудования провести было невозможно. Поднять пострадавшего с подножия горы на руках, не повредив дополнительно позвоночник, было практически невозможно. Потому поднимали его третьим вертолетом, прибывшим по вызову и имеющим соответствующее оборудование. Подняли вместе с носилками, как на лифте, и вынесли на открытое место, откуда потом свободно и без всяких осложнений перегрузили в вертолет. Все это время пострадавший не приходил в сознание, да и врачи постарались: вкатили какой-то укол со снотворным, чтобы создать медленный выход из шокового состояния. Боялись, что он может не выдержать транспортировку.

Потом прилетел еще один вертолет и привез специалиста, которого сразу подвели к старшему лейтенанту Корсакову. К тому времени уже вовсю разгулялся рассвет и вот-вот должно было выйти из-за деревьев солнце, жаркое с самого утра. Наверное, в чистых полях оно уже давно вышло, а в лесу пока еще деревья давали спасительную тень. Но фонарики уже не требовались.

Прилетевший специалист был в гражданской одежде, хотя и по походке, и вообще по внешнему виду сильно походил на военного.

– Показывай, старлей, что там нашли… – потребовал прилетевший.

Корсаков поднял плащ-палатку, которой привычно прикрыл чужую аппаратуру, как прикрывал свою. Специалист глянул коротко и с пониманием кивнул:

– Ясно. Аккумулятор в радиостанции оплавился?

– Оплавился, – сказал Корсаков слегка удивленно. Не вытаскивая радиостанцию из крепления, не вскрыв корпус, невозможно было определить, что оплавился аккумулятор. Тем не менее специалист определил.

– Да. Слабы у них аккумуляторы. А анализатор воздуха в норме?

– В рабочем состоянии.

– И лазер тоже?

– Думаю, может дать спутнику поисковый сигнал.

– Думаешь, лазер поисковый? Маяк? – специалист вроде бы как советовался.

– Без сомнения. Он одноимпульсный. Для подачи разнообразных сигналов не годится.

– Скорее всего, ты прав. По лазерному лучу спутник находил волну передатчика.

– Я не вижу другой необходимости устанавливать здесь лазер.

– А что этот… Так сказать, дипломат… – спросил человек в полевой камуфлированной форме, не дающей возможности определить род войск, но с погонами генерал-лейтенанта. – Он уже снял приборы? Тогда куда он с ними направлялся?

– Я – Первый, – дал команду подполковник. – Парик, ко мне!

Капитан Лысенков почти сразу появился из-за густых кустов, рядом был.

– Перескажи товарищу генералу, как вы с дипломатом встретились.

– Я на посту здесь стоял, товарищ генерал. Слышу, идет кто-то. Ходить не умеет…

– В смысле? – не понял генерал-лейтенант.

– У нас, товарищ генерал, – пояснил подполковник, – считается, что если человек не умеет ходить неслышно, он вообще не умеет ходить. Он шагает…

– Ну-ну… И что? – генерал-лейтенант повернулся к капитану.

– Ко мне смена должна была подойти. Но смена, во-первых, появилась бы с другой стороны, во-вторых, я сменщика только увидел бы, но никак не услышал

с десятка метров. Даже когда сменщик на выстрелы прибежал, я его не слышал. А без выстрелов он пешком шел. Я притаился, смотрю. Выходит этот из кустов. Остановился на утесе, склонился, камни раздвинул… Я место следователям показал, они осмотрели. Раздвинул камни и вытащил свой ящик. Потом в сторону шагнул и стал вниз всматриваться, словно тропу в темноте искал. Там есть тропа, но очень крутая. А он решил, видимо, возвращаться по берегу. Ну, мне, естественно, интересно стало, что он там вытащил. Я и спросил, не помочь ли ему нести. А он сразу, разворачиваясь, в меня выстрелил. Пока он разворачивался, я по выбросу руки понял, что он стрелять будет. Правда, я подумал, что там обычный пистолет. А у меня патроны в рожке только холостые. Но он-то этого не знал. И потому я, в целях соблюдения мер собственной безопасности, перекатился и одновременно с его выстрелом дал очередь. Не в него напрямую, а просто в сторону. Он и испугался, шарахнулся, оступился и полетел. Ящик с приборами выронил, пистолет выронил. Я что-то неправильно сделал, товарищ генерал?

– Нет-нет, все нормально, капитан, к тебе претензий никаких нет, только к пострадавшему. Но принимать их будет посольство Канады в Москве. Однако это уже не наша забота. Подполковник! Давай думать, в какие условия возвращать твою группу. Учения следует продолжить. После обеда посмотреть на вас прилетит президент…

ЧАСТЬ I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1. США. Штат Нью-Мексико

Если ехать на машине по «двадцать пятой» дороге от Санта-Фе на юго-запад и не только любоваться красными разнокалиберными скалами и пыльным небом, нависшим над рыжими перевалами, но и по сторонам посматривать, то, ровно пятую часть пути не доезжая до Альбукерке, увидишь слева скромную, по сравнению с федеральными трассами, асфальтированную дорогу, уходящую в

горы. Никакого указателя, куда эта дорога ведет, нет, хотя на «двадцать пятой» с двух сторон имеются стандартные знаки, запрещающие поворот, а на самой боковой дороге стоит в самом начале знак, запрещающий движение. Впрочем, этот знак, как бывает обычно, предназначен не для всех. Кто-то имеет специальные пропуска, разрешающие осуществление здесь «производства движения и перевозку грузов», как гласит текст документа, выставляемого обычно на лобовое стекло автомобиля.

Дорога эта, если не сворачивать на развилке вправо, когда минует скалистый рыжий перевал, открытый для всех пыльных местных ветров, приведет в сравнительно небольшую горную пустыню, где нешироко раскинулся полукругом городок Кэртленд, рядом с которым располагается база военно-воздушных сил США. Правда, по пути предстоит миновать три поста охраны, а их из-за скал никак невозможно объехать. А на дороге вправо постов еще больше, и это не удивительно, потому что там располагается база Комиссии по атомной энергии США. Но вправо ездят меньше, чем влево. Однако тех, кто поедет по дороге без пропуска даже влево, в лучшем случае просто заставят развернуться, объяснив, что туристический маршрут закончился еще в Санта-Фе и дальше местный край никаких достопримечательностей не предлагает.

Но это будет неправдой. Достопримечательность есть, и она способна привлечь внимание множества любопытных, и особенно интересующихся всем, что связано с загадочными явлениями, относящимися к понятию, объединенному одним словом – уфология. И об этом пишет большое количество разного толка газет по всему миру. Поговаривают, что в лаборатории на территории базы ВВС в замороженном виде, как туши животных после убоя, хранятся тела инопланетян, погибших во время аварии НЛО над пустыней Невада. И остатки самого НЛО в демонтированном виде тоже хранятся и изучаются здесь же. Одни эти слухи магнитом тянут в здешние засекреченные края любителей всего загадочного. Командование базы факт хранения останков мудро не подтверждает, но и не отвергает, тем самым только подогревая интерес и добавляя беспокойства охране объекта. Вполне возможно, что делается это умышленно, потому что рядом с лабораторией уфологов мало кто уделяет повышенное внимание другой базе ВВС, может быть, объекту несравненно более важному – так называемой «лаборатории Филипса».

Официально известно, что «лаборатория Филипса» занимается изучением метеорологии и северного сияния и в достаточно далеких от своей базы местах имеет испытательные полигоны, где еще с середины 90-х годов прошедшего

века активно разворачивает программу, официально называемую HAARP. Полигоны построены на Аляске, в зоне, где запрещены всяческие полеты как гражданских, так и военных самолетов, в Гренландии и в Норвегии, где также соблюдаются повышенные меры безопасности. Финансирование проекта исчисляется сотнями миллиардов долларов, но это не мешает «лаборатории Филипса» вести себя гораздо скромнее, чем она могла бы себе позволить. Скромность объясняется просто. Еще в далеком 1977 году Соединенные Штаты одновременно с Советским Союзом подписали и ратифицировали Конвенцию о запрещении создания и использования метеорологического оружия. Таким образом, все научные работы по созданию искусственного климата или еще чего-нибудь, называемого так же обтекаемо, легли, опять же в США и в СССР, на плечи гражданских организаций и научных учреждений. Правда, охрану этих учреждений почему-то всегда осуществляли военные люди, и зачастую территория самих учреждений являлась анклавом внутри военных территорий.

Ранним утром в понедельник, в начале трудовой недели, по дороге, останавливаясь только на постах, поскольку на них тормозили даже машину командующего базой ВВС, ехало два автомобиля. На первых двух постах, дальних от базы, дежурство несли военнослужащие с базы военно-воздушных сил, но охрана последнего поста у ворот, отдельных от ворот базы ВВС, осуществлялась уже специальной службой ФБР, и там не удовлетворялись обычными пластиковыми карточками-пропусками, которых хватало на первых постах. У ворот всем пассажирам, как и водителям, приходилось выйти, чтобы пройти через помещение, где каждый прикладывал ладонь к считывающему изометрическому сканеру, и только после этого компьютер давал разрешение на проход и сам снимал блокировку с турникета. Пока длилась процедура опознания имеющих допуск сотрудников, охранники уже перегоняли машины за ворота. И, выйдя из помещения, все могли ехать дальше. Впрочем, можно было бы и пройти оставшиеся 30 метров по ровному бетонному пространству, но почему-то никто не любил преодолевать это расстояние пешком, и все всегда добирались до дверей лаборатории только на машине или на автобусе, который привозил сотрудников, живущих в Кэртленде. А таковых тоже было немало, хотя они в большинстве своем не являлись постоянными жителями городка и только снимали там квартиры.

В этот раз два автомобиля, в одном из которых, кроме водителя, сидело только два человека на заднем сиденье, что уже говорило об их статусе, а в другом – пять человек вместе с водителем, приехали раньше, чем прибыл автобус. Но если люди из машины, в которой было пять человек, по какой-то причине остались ждать автобуса у входа, радуясь тому, что жаркий день еще не

наступил и можно спокойно проводить время на воздухе, то пассажиры первой машины, оставив водителя за рулем, сами вошли в подъезд, не питая любви к местному пыльному климату.

Здание этой лаборатории, как и несколько других точно таких же корпусов «лаборатории Филипса», было трехэтажным, незатейливым, выстроенным по периметру большого квадрата с внутренним квадратным же двориком. Лифт с прозрачными дверьми кабины находился рядом с входом, по ту сторону небольшого холла, и мог вместить в себя никак не меньше десяти человек. Но двое, вошедшие в здание, лифтом пользоваться не пожелали, открыли с помощью пластиковой карточки боковую дверь и ушли по лестнице на второй этаж, не дожидаясь, когда в помещение войдут остальные сотрудники.

* * *

Полковник Лиддел налил себе стакан воды из кулера[5 - Кулер – аппарат для охлаждения воды. В США ставится практически в каждом офисе.] и запил таблетку. Он уже много лет страдал непонятного происхождения неудобствами в желудке, причем разные врачи ставили совершенно противоположные диагнозы и предлагали противоречащие одна другой методики лечения. В конце концов полковник решил просто отказаться от всех напитков, кроме воды и крепкого спиртного; пил те простые содовые дешевенькие таблетки, которые, как ему казалось, лучше всего помогали ему, и к врачам больше не обращался.

– Вы думаете, Фил, они в состоянии ответить нам уже в этом году?

Профессор Кошарски нервно передернул плечами и ответил, как обычно, слегка каркая при разговоре:

– Мы же оказались в состоянии ответить им за все прошедшие годы. Почему они не в состоянии ответить нам сразу, когда у них это уже отработанная система?

Профессор вообще был нервным человеком. Оно и понятно, язва желудка кого угодно сделает нервным, да и сам он признался как-то полковнику Бенджамену Лидделу, что в молодости не выпускал изо рта сигарету с марихуаной. Это тоже здоровья ему сейчас, уже в почтенном возрасте, не добавило. Но в годы молодости профессора марихуану курили или пробовали курить все, кто вообще

курил, и даже те, кто не курил простой табак. И это не казалось преступлением. Тогда законы были другие, и нравы были другие. Сигарета с марихуаной считалась в любом обществе хорошим тоном.

Полковник сам, еще до поступления в Вест-Пойнт[6 - Вест-Пойнт – старейшее и наиболее прославленное военное училище США. В конце XX века приобрело статус академии.], пробовал марихуану, хотя простые сигареты не курил. Но большого удовольствия не почувствовал и потому привычки не приобрел. Наверное, он был из тех пресловутых десяти процентов человечества, на которых марихуана не действует, следовательно, и смысла втягиваться не было.

– А что мисс Александра говорит? – спросил полковник.

– Профессор Троицки приедет только после обеда. Пока же я знаю не больше вашего.

Полковник налил себе еще один стакан воды из кулера. Простая вода, в меру охлажденная. В местном жарком климате Бенджамен Лиддел, по натуре своей человек северный, выпивал очень много охлажденной воды и сам страдал от этого. Но без воды обходиться не мог.

За окном проехал автобус с сотрудниками лаборатории. Входа в здание из окна кабинета профессора Кошарски видно не было, поскольку находился вход в той же стене, что и окно, но стоянку автобуса все же можно было рассмотреть, хотя и под острым углом. Полковник прижался к стеклу, всматриваясь в людей, что выходили из автобуса.

– Что интересного увидели, Бенджамен?

– Мне показалось, что профессор Троицки вышла из автобуса.

– Это вам показалось, – Фил Кошарски глянул на часы. – У нее самолет прилетает только через полчаса.

– Сюда, на базу?

– Нет. Ей по рангу не полагается персональный самолет, а самолеты лаборатории, как вы должны помнить, летают только три раза в неделю. Александра прилетает в Лос-Аламос, в гражданский аэропорт, там ее встречает машина. После обеда будет здесь.

– Если в Лос-Аламос, то будет только завтра утром, – сделал вывод полковник Лиддел. – Женщины плохо переносят самолет, а еще хуже – автомобили. Александра захочет отдохнуть, помыться и все прочее, что требуется женщине.

– Вы плохо знаете женщин, Бенджамен, и совсем не знаете русских женщин. Она будет, как обещала, после обеда. А вообще… Кто вам сказал, что профессор Троицки – женщина?

– А кто же она?

– Трудно сказать. Я представить себе не могу мужчину, который воспринял бы ее как женщину. Тем более русскую женщину…

– Троицки эмигрировала из России больше 30 лет назад. Она давно уже американка.

– Во-первых, Александра эмигрировала из Советского Союза, а не из России. И не просто эмигрировала, а бежала, прихватив с собой копии секретных документов – результат работы лаборатории, которую она возглавляла. Лаборатория была гражданская, хотя работала на армию, но гражданский статус дал ей возможность бежать. Руководителю военной лаборатории такой возможности, скорее всего, не представилось бы. Помимо всего прочего, ее трудно назвать однозначно женщиной хотя бы из-за ее возраста. Благодаря возрасту, и еще более благодаря характеру, она плюет на все условности. И если Александра сказала, что будет после обеда, значит, она будет здесь после обеда. Ну, естественно, если не вмешается погода. И привезет все нужные нам для доклада материалы. Хотя кое-что из материалов у нас уже есть. Но у нее данные точные и конкретные, по разным точкам. В Европе профессора Троицки уважают и помогают ей, чем могут. А в это время, когда вся Европа трясется в ожидании новых ливней, европейцы особенно постараются помочь.

– Будем ждать… – вздохнул полковник Лиддел и взялся за третий бумажный стаканчик, чтобы налить воды из кулера.

* * *

Профессор Фил Кошарски руководил направлением в одном из многочисленных проектов «лаборатории Филипса», и направление это, как и деятельность лаборатории в целом, считалось перспективным, хотя в наиболее острый год кризиса финансирование на исследования и разработки было урезано на две трети. И, как всегда это бывает, посткризисный период стал для направления более сложным испытанием, чем сам кризис, потому что для возобновления финансирования исследований требовалось заново доказывать свою дееспособность делом. Но как объяснить людям, которые требуют сиюминутного результата, разницу между фундаментальной и прикладной наукой? В глубине души каждый из правительственных чиновников понимает, что прикладная наука является только следствием науки фундаментальной, требующей глубины исследований и длительных сроков, и никак не может быть самостоятельной отраслью. Любая, как самая наукоемкая, так и самая примитивная, прикладная наука никогда бы не смогла существовать, если бы ей не предшествовали глубокие исследования. Да, это они понимают и соглашаются с доводами до тех пор, пока в дело не вступает политика и не поднимается вопрос о грядущих выборах. Вот здесь уже требуется пусть маленький, но сиюминутный результат. Чиновники прекрасно знают, как из маленького результата раздуть громадный, можно сказать, колоссальный успех. Если в твоих руках пропагандистская машина, ты можешь долго оставаться на коне, только следует подпитывать мнение избирателей мелкими сиюминутными успехами, представленными в виде глобальных достижений.

Саму «лабораторию Филипса», конечно же, прикрыть никто не посмеет. Она слишком известна, и слишком много сотен миллиардов долларов уже вложены в нее за годы существования. Но отдельные проекты лаборатории всегда рассматриваются вне общего объема финансирования. А объемы финансирования определяются даже не в самой лаборатории, а на уровне правительственных чиновников. И этих чиновников необходимо уметь убеждать.

Когда-то Фил Кошарски, работая над чужими проектами в составе разных групп, мечтал о том, чтобы иметь свое направление, собственную тему и быть в ней руководителем, чтобы ему не указывали на то, что следует делать, а чтобы он указывал другим. Его всегда раздражали руководители проектов. Они казались глупыми и ненужными для науки людьми. Тогда, наивный, он не знал еще, что это такое. Он мечтал о бесконтрольной научной деятельности. В

действительности же оказалось, что руководитель проекта больше чем наполовину должен быть администратором, чтобы проект существовал и развивался. И ему пришлось стать администратором, пришлось смириться с тем, что более молодые сотрудники, мечтающие о своих направлениях и проектах, его самого уже считают ненужным для науки человеком, только мешающим процессу, в котором они заняты. Эти мысли он читал в глазах сотрудников, эти мысли витали в воздухе, но сам профессор Кошарски только посмеивался над своим положением. Слегка ехидно, как и полагается язвеннику. И только наедине с собой. Для всех же остальных он так язвенником и оставался – желчным и недобрым, не в меру требовательным и придирчивым, указывающим на то, что следует сделать в первую очередь, и, как казалось молодым со стороны, не понимающим конечного результата.

Тем не менее из всех научных сотрудников, занятых в проекте, только считаные единицы знали настоящее положение вещей, и уж тем более мало кто знал реальный результат. То есть мало кто знал, что результата пока нет и в ближайшее время не предвидится его добиться. Профессор Фил Кошарски занимался именно фундаментальными исследованиями, разрабатывая глубокие научные пласты для того, кто придет ему на смену через поколение, а то и через пару поколений ученых. Раньше на отдачу от исследований рассчитывать было невозможно. И при этом профессору как мудрому администратору приходилось вертеться, чтобы что-то показать далеким от науки людям, типа полковника ВВС США Бенджамена Лиддела, являющегося представителем Министерства обороны в направлении, то есть, по большому счету, представителем заказчика. Правда, в направлении работали еще несколько представителей Министерства обороны, каждый из которых контролировал отдельный проект в общей тематике, но полковник Лиддел курировал самый острый сейчас проект, носящий кодовое название «Жара», и с этим проектом, умудрившись его, что называется, «раскрутить», Кошарски намеревался добиться успеха. Пусть временного, но успеха. Даже временный успех будет в состоянии поднять финансирование на уровень выше. А все последующие неудачи можно будет списать на неблагоприятную погоду. На погоду можно списать что-нибудь всегда…

Острым проект стал после того, как его пытались прикрыть по недостаточности финансирования направления в целом, причем сторонники прикрытия проекта нашлись даже среди руководства самой «лаборатории Филипса». И Кошарски пришлось приложить немало сил и стараний, чтобы проект «Жара» остался на плаву, и, более того, удалось выбить не только необходимые, но даже слегка излишние средства на исследования. Эти средства профессор умело направил в

другие проекты, обещающие хоть какую-то действительную внешнюю отдачу.

Отдача же от проекта «Жара» пришла сама собой, хотя и по очень скользкой тропе.

Суперкомпьютер «лаборатории Филипса», один из четырех самых мощных компьютеров в мире, среди множества своих программных функций выполнял еще и банальные метеорологические расчеты, в том числе давал и прогнозы на длительное время. Эти расчеты были доступны всем, но больше других работал с ними именно профессор Кошарски, поскольку метеорологическая программа создавалась специально по заказу его лаборатории, и даже федеральное метеорологическое бюро США часто запрашивало данные с суперкомпьютера «лаборатории Филипса», потому что он, как правило, выдавал прогнозы более точные, чем их более слабые машины. Сами метеорологи уже давно смирились с тем, что они не прогнозы дают, а, как говорят, «шаманят» по поводу погоды. То есть точный прогноз удавалось дать только на три ближайших дня. Это, кстати, как знал Кошарски, мировая тенденция, и более отдаленные прогнозы, как обычно бывает, на неделю, на десять дней и на месяц, всегда идут с грифом «Предположительно». Гриф ставится в документах для специалистов. В прогнозах для населения даже гриф не ставится, и потому население считает метеорологов шарлатанами. Их длительные прогнозы никогда не сходятся с реальностью, а иногда бывают прямой ее противоположностью. Но суперкомпьютер «лаборатории Филипса» часто давал прогнозы наиболее вероятные. И, как ни странно это выглядит, лучше всего ему удавались именно прогнозы долговременные. Поговаривали, что это явилось следствием некой ошибки в программе. Но ошибка, если она и случилась, оказалась единственным правильным решением. И это всех уже устраивало.

Однажды в самом начале года, намереваясь составить график испытания оборудования на несколько проектов своего направления на вторую половину года, профессор Кошарски внимательно изучал весь годовой прогноз. Это только неразумные люди будут испытывать оборудование, призванное влиять на погоду, не используя выгодные моменты, которые могут усилить или же просто оттенить действие оборудования. Или даже, если такое случится, показать действие, когда его вообще нет. И выписал наиболее яркие моменты из прогноза, чтобы привязать к ним испытания. Тогда же программист направления, работающий вместе с профессором, ввел в компьютер искажение данных, чтобы в дальнейшем прогноз выглядел слегка иным и никто не мог бы обвинить Кошарски в использовании имеющихся условий для собственных

целей. Еще тогда компьютер предрек страшную жару и засуху в центральных регионах России, а также сильнейшие ливневые дожди и, как следствие ливней, наводнения на севере Пакистана, а чуть позже, как обычно в последние годы, в Европе. Но данные относительно Европы компьютер выдал под грифом «Предположительно». Он любил, как и живые люди, обезопасить себя грифом.

Об испытаниях оборудования по проекту «Жара» вопрос пока не стоял, и серьезных докладов представителям заказчика еще предложено не было. Просто рано было что-то предлагать, и потому российская предполагаемая жара профессора волновала мало. А вот к Пакистану вполне можно было присмотреться внимательнее, тем более что север и северо-запад страны очень волновали американское правительство, как, впрочем, и правительство самого Пакистана, потому что эти районы контролировались афганскими и пакистанскими талибами и «Аль-Каидой». И проведение испытаний в этом районе вполне может сойти за ведение боевых действий. То есть появилась возможность существенно повысить финансирование направления сразу по нескольким проектам. Профессор стал думать и прикидывать свои реальные возможности. Однако, чтобы возможности прикинуть, следовало все-таки завершить систематизацию общих разработок и вычертить так называемый сводный график испытаний, что Кошарски давно уже собирался сделать, но за множеством хозяйственных и организационных вопросов, которые требовали немедленного вмешательства руководителя направления, это сделать никак не удавалось. Теперь пришлось. И пришлось как раз вовремя, когда в голове еще были свежи данные из длительного метеопрогноза, который выдал суперкомпьютер «лаборатории Филипса». Фил Кошарски всегда обладал почти феноменальной памятью. Иногда эта память даже мешала ему, подсовывая ненужные факты и данные, которые только вводили в заблуждение. В этот раз, составляя сводный график испытаний, профессор несколько раз возвращался мыслями к прогнозу суперкомпьютера. И даже в те моменты, когда просчитывал испытания приборов в иной части света, мысли постоянно возвращались к российской жаре. А потом Кошарски вовсе отложил свою срочную работу и задумался.

Он прекрасно владел всеми собранными человечеством знаниями о происходящих на Земле и вокруг нее процессах при формировании погоды. И эти знания позволили Кошарски нечаянно понять, что такой аномально жаркой погоды в центральных областях России не может быть. Просто неоткуда там взяться этой погоде. А если компьютер вывел такие данные, значит, он опирался на что-то, чего сам профессор не заметил. Но возвратить старый прогноз после того, как в данные были внесены изменения, было уже сложно, хотя

теоретически возможно.

Обдумав ситуацию, Фил Кошарски решил все-таки сперва закончить работу. На это у него ушел остаток недели. Но за эти дни он буквально извелся, постоянно возвращаясь мыслями к возникшей в голове посторонней задаче. И только после этого начал подробный анализ. Для этого потребовалось запросить у руководства «лаборатории Филипса» закрытое время для работы на суперкомпьютере. То есть никто не имел возможности заглянуть в его рабочие файлы, никто не мог поинтересоваться темой и результатом. Начал с того, что возобновил старый прогноз. Прогноз опять был таким же, как прежде. Но, внимательно изучив все метеорологические предпосылки, профессор не нашел ничего, что могло бы принести аномальную жару в среднюю полосу России. Здесь было только два варианта: или профессор чего-то не знал такого из метеорологических законов, что знает компьютер, или компьютер знал что-то такое, что не дано знать простому человеку. Как ни крути, а это не просто желязяка – это суперкомпьютер, способный переваривать за доли секунды столько информации, сколько не в состоянии переварить население большого города.

Вывод подсказала профессор Александра Троицки, бывший советский специалист, уже много лет назад эмигрировавшая в Америку. Причем выход настолько интересный, что именно он и сумел в итоге поставить на новую высоту проект «Жара».

– У этого суперкомпьютера база данных за сколько лет?

– Все, что знали, вложили в базу.

– За последние годы все вкладывали?

– Все.

– Не только метеорологическую информацию, я полагаю?

– Да какую только в него не вкладывают… Кроме того, он сам считывает из сети многие сводки, которые входят в сферу его интересов.

Александра недолго думала:

– Давайте посмотрим прогноз погоды на 9 мая.

Кошарски открыл программу:

– Утром дождь. Потом совершенно ясно и солнечно.

– Все правильно. Я давно предрекала, что русским это аукнется…

– Что аукнется? – не понял Кошарски.

– Каждый год на 9 мая, а потом еще на другой праздник, который они называют Днем города, это где-то в сентябре, над Москвой искусственно создают ясную погоду.

– Я слышал об этом, – согласился Фил, – они обрабатывают облака на подступах к Москве йодистым серебром, вызывают дождь в области, и, в результате, до самой Москвы доходят не тучи, а легкие облака.

– Слишком часто обрабатывают. Недопустимо часто… И вот результат. Компьютер имеет информацию об обработке облаков на подступах к Москве. Это однозначно…

– Скорее всего, имеет.

– Имеет, – как всегда, категорично заявила Троицки. – Он оценил ситуацию и сделал точно такой вывод, какой я предполагала еще пару лет назад. Два раза в год правительство Москвы «выливает» облака где-то на подступах к столице, образуя при этом нивальную воронку, которая провоцирует создание над самой Москвой антициклональной линзы. Но нельзя же постоянно брать на себя функции Господа! Россия поплатится за действия московского правительства. И не только Россия. Если верить вашему суперкомпьютеру, судя по тому, какой обширной будет данная антициклональная линза, где-то в стороне сама собой возникнет нивальная воронка. Хорошо бы в Европе. Европа устроит Москве страшный скандал, если разберется с этим вопросом.

– Нет, – успокоил коллегу профессор Кошарски. – Ливни будут лить в Пакистане. Позже, возможно, и в Европе. Но это только предположительно.

– Будут, думаю… Страшные ливни и сильные наводнения… – сделала вывод Троицки. – Это обычные последствия. Скорее всего, и в Европе будет то же самое. Нивальные воронки могут возникнуть в нескольких местах. Предсказать, где они будут, чрезвычайно сложно. Хорошо еще, компьютер предсказал Пакистан, что для самого Пакистана является, конечно же, неожиданностью. Но я допускаю, что и в самой России что-то может произойти. Где-нибудь в Сибири. Антициклональная линза – очень опасная вещь.

– Давайте вместе подумаем, что мы сможем из этой ситуации вытащить, – тихо, почти таинственным шепотом предложил Кошарски.

Троицки посмотрела в его блестящие водянистые глаза и поняла, что в голову Филу пришла какая-то гениальная, судя по всему, идея.

– Хотите помочь Европе понять, почему их топит?

– Плевал я на Европу! Мне важно свой проект представить. Предположим, ливни борются с талибами. А жара в России – это побочный эффект. Вернее, изначальная форма, которая вызывает ливни в Пакистане. Это должно смотреться красиво.

Профессор Троицки была прочно завязана в нескольких проектах лаборатории. И хорошо понимала, чем может обернуться для направления красота, которую хотелось продемонстрировать Филу Кошарски.

– Вы – гений, – сказала она в восхищении.

– Жизнь заставляет и гением быть. А как иначе в финансовый кризис?!.

С этого все и началось…

2. Россия. Москва

После того как машина проехала площадь с фонтаном, сам фонтан, застряв в памяти каким-то тяжелым, незаглатываемым куском, долго еще своим зримым образом не выходил из мыслей, не допуская возможности подумать о чем-то другом. И даже хотелось вернуться, презрев все условности и соответствующие должности приличия, и окунуться в прохладную воду прямо в генеральском мундире. Хотя и было неизвестно, насколько вода в фонтане прохладна. Обычно летом там дети купаются, а дети, как каждый из собственного детства, наверное, помнит, любят воду теплую. Сейчас и взрослые, и не только молодые, не стесняясь, лезли через невысокий каменный парапет. Вода тянула всех магнитом, обещала спасение, и никому, наверное, не хотелось из воды выбираться, чтобы дышать на городских улицах битумными испарениями асфальта, внешне совсем не чадящего, но забивающего дыхание своим запахом не хуже, чем запах гари с торфяных болот, что уже прочно осел в городе и не собирался покидать его улицы. Все это являлось, видимо, совокупностью отталкивающих моментов, которые противопоставляли раскаленный город воде. И особенно сильно ее магнетическая сила ощущалась в невероятно разогретых на солнце машинах, которыми город был переполнен, как обычно.

Правда, не всех машин это касалось. Человек, которому хотелось вернуться к фонтану, знал, что он не вернется, но помечтать ему было приятно, и он с удовольствием позволял себе такое расслабление. Его машину, где он сидел на заднем сиденье, уличная жара сильно не доставала, и не было необходимости открывать окна: автомобильный кондиционер справлялся с потоком раскаленного воздуха без натуги. И тем не менее жара за стеклами, по ту сторону кожаного автомобильного салона, все равно ощущалась явственно. И оживали вчерашние воспоминания, когда не было рядом машины с кондиционером, а только дача с крышей из металлочерепицы, под которой был прибит фольгированный утеплитель, причем прибит фольгой в сторону дома, то есть тепло, выходя из дома, утеплителем отражалось назад, в жилые помещения. А сверху добавлялось тепло перегретой на солнце металлочерепицы. И оттого в самом доме, где тоже был кондиционер, нормально сидеть можно было только неподалеку от него. Несколько шагов в сторону, и уже жара цеплялась за все тело, делая его таким вялым и липучим, что приходилось выходить и поливать себя из шланга водопроводной водой. Эти воспоминания вторгались без застенчивости в сегодняшнюю действительность, и потому к воде тянуло с прежней силой. И только тогда, когда машина подъехала к кремлевским воротам и потребовалось предъявить документы для проезда, человек в машине мотнул головой, прогоняя все посторонние ощущения, и сконцентрировался на предстоящем большом разговоре у президента…

* * *

Основной лейтмотив совещания с представителями силовых структур и научных кругов, в данном случае так странно объединенных, президент выразил сразу одним вопросом, на который, конечно, никто не мог дать ему однозначного ответа:

– И все-таки я хотел бы услышать категоричное и обоснованное заявление… В состоянии ли хоть кто-то из вас обойтись без обтекаемых фраз? И сказать конкретно – нынешняя погодная ситуация в центре России вызвана применением против нас климатического оружия? Только «да» или «нет»! Есть человек, который может это сказать?

Такого человека ни среди разведчиков, ни среди контрразведчиков не нашлось, и найти его среди них было невозможно, потому что никто не рискнул бы высказать предположение, что такое оружие существует в действительности, хотя все знали, что оно давно с переменным успехом разрабатывается.

– Значит, опять будем оперировать предположениями, – вздохнул президент. – Ладно, докладывайте по порядку. Начнем с представителей спецслужб. Что вы можете мне сказать?

Первым начал говорить генерал-лейтенант Рукавишников из аналитического управления Службы внешней разведки. Генерал был известен тем, что умел связать внешне совершенно не связанные факты – такие, например, как небольшая акция партии «зеленых» где-нибудь в Северном море, торнадо на Карибах и террористическая акция в Индии – в единую систему и сделать однозначный вывод. В самой Службе внешней разведки говорили, что ни одно государство мира, обладающее самыми мощными и высокопроизводительными компьютерами, не в состоянии создать такой аналитический компьютер, как голова генерал-лейтенанта Рукавишникова. К сожалению, все выводы генерала часто были внешне голословными, потому что сам он не обладал даром красноречия и часто не умел отследить потоки мыслей в своей голове. Он делал выводы, но не всегда логично объяснял, как к ним пришел. И только время показывало, что Рукавишников почти никогда не ошибается.

– По нашим агентурным данным, спецслужбы всех крупных мировых держав сильно оживились от наших климатических аномалий, шлют запросы в различные собственные и международные научные учреждения, пока еще без применения изощренных методов пытают многих ответственных ученых и стараются найти объяснение на первый взгляд необъяснимому. Беспокойство, однако, просматривается отчетливо. На этом фоне возникают достаточно резкие разногласия между странами – участницами Североатлантического блока. Европейцы подозревают, что американцы стали виновниками наводнений в Европе в последние годы и делают это с целью подрыва экономического положения стран Евросоюза и усиления зависимости европейских государств от США. Более того, нам стало известно, что несколько крупнейших европейских держав внутри НАТО создали собственную коалицию по изучению нынешней российской ситуации, находя связь между своими бедами и нашими, и преодолевают при этом сопротивление американцев, которые всячески тормозят разведывательный процесс. Германия не как член НАТО, а просто как заинтересованная сторона отправила официальный, хотя и не опубликованный в бюллетенях правительства запрос о деятельности одной из структур Пентагона. Эта структура называется Отделом перспективного вооружения и включает в себя два департамента: департамент «С» – скорее всего, название происходит от английского слова climate, и департамент «Р», название которого, как мы предполагаем не без некоторых оснований, происходит от английского слова policy, то есть политика. Структура депортамента «С» включает метеорологическую службу, группу специальных разработок, строительно-монтажную группу и еще несколько подразделений. Кроме того, департамент «С» имеет в своем распоряжении крейсер «Вирджиния», оснащенный секретным комплексом оборудования. Место дислокации департамента «С» – Бермудские острова. Немецкая разведка, да и наша в какой-то степени, располагает некоторыми прямыми и множеством косвенных улик, доказывающих опасные опыты, проводимые департаментом «С» с помощью оборудования на крейсере «Вирджиния». В частности, подозревается, что результатом этих опытов стало катастрофическое цунами декабря 2004 года в Юго-Восточной Азии. Есть кое-какие наметки, что косвенно опыты департамента «С» вызвали ураган «Катрина», затопивший Новый Орлеан, хотя американцы и считают почти официально, что этот ураган вызван нашими испытаниями.

Департамент «Р» занимается проблемами воздействия волновых процессов на психику человека посредством создания магнитных бурь и применения целенаправленного излучения волн различного диапазона и различной частоты. Но это уже выходит за рамки нашего сегодняшнего разговора, и потому я тему сверну.

– И что же германский запрос? – спросил президент, впрочем, без особой заинтересованности, словно заранее знал ответ.

Так почти и оказалось.

– Ничего. Американцы не ответили союзникам. Послали какую-то отписку, и все. Это никого в Европе не успокоило, даже наоборот. Однако, как известно, разведывательные структуры НАТО в большинстве своем состоят из подразделений, сформированных европейцами, следовательно, и погоду там делают европейцы. И сопротивление представителей США они смогли преодолеть, наладив сбор небольшой и не ясной до конца информации. Но сбор данных европейцами продолжается. Кроме того, недавно получена еще непроверенная информация, что к европейской коалиции примыкает и Канада, не слишком доверяющая своему соседу и обеспокоенная влиянием на свои территории расположенного на Аляске антенного поля проекта ХААРП[7 - ХААРП (HAARP) – долговременный и очень дорогой проект, разрабатываемый в США под патронажем ВВС и ВМФ. На территории 60 квадратных километров развернута сеть из 360 антенн, которые совокупно составляют излучатель сверхвысоких частот, посылающий радиоволны в частоте от 2,8 до 10 мегагерц и мощностью в 1,7 миллиарда ватт.] – программы высокочастотных активных авроральных[8 - Авроральные течения – потоки заряженных частиц из космоса, иногда называемые «солнечным ветром», который «дует» по линии магнитного поля Земли. Одним из проявлений авроральных течений является всем известное северное сияние.] исследований. В Канаде в нынешнем году жара стоит сравнимая с нашей.

– Канада примыкает, у нас тоже есть такие данные, – подтвердил сказанное генерал-майор Дошлукаев из ФСБ, замещавший на совещании свое более высокое руководство, которое в этот раз оказалось в разъездах по стране, и чувствующий себя в президентском кабинете слегка неловко. Обычно сюда генерал-майоров не допускают – чином и рылом, как считается, не вышли. Но в данном случае старшие генералы проявили дальновидность, поручив дело генерал-майору, – в надежде, что он может сказать то, что сами они не решаются, и благополучно попрятались. – Но я расскажу об этом в свою очередь.

Генерал-лейтенант Рукавишников коротко глянул на президента, вольготно развалившегося в великоватом для него кресле, и продолжил:

– Проектом ХААРП занимается всем известная «лаборатория Филипса», о которой мы говорили уже не раз. Хотя, согласно нашим источникам, в данном конкретном случае с аномальной жарой на территории Центральной России, вполне вероятно, главным фигурантом вопроса является вовсе не антенное поле на Аляске, а другое структурное подразделение все той же «лаборатории Филипса». С точностью процентов в 80 мы можем утверждать, что в данном случае задействованы силы и средства одного из направлений этой лаборатории, которым руководят некто профессор Фил Кошарски и бывший советский специалист, задействованный в разработке нескольких проектов по созданию климатического оружия в СССР, профессор Александра Матвеевна Троицкая. Она не эмигрировала, а сбежала в США в середине восьмидесятых, прихватив, как мы думаем, копии многих документов, к которым имела отношение, и тем самым на несколько лет продвинув американцев в их исследованиях.

– Важные документы были? – спросил президент.

– Дело ученых – давать оценку степени важности, но мы, со своей стороны, считаем, что эти документы дали возможность американцам сдвинуться с мертвой точки и обойти нас в то время, когда у нас было прекращено финансирование исследований. Возможно, за это время американцы и сами смогли бы чего-то добиться, но Троицкая позволила им сберечь по меньшей мере три-четыре года.

– Продолжайте. И что этот профессор… Фил Кошарски?..

– Среди нескольких проектов его направления особое место занимает так называемый проект «Жара». Название характерное для нашей ситуации и многое говорит само за себя.

– Но название может быть и не связано с нашей климатической аномалией, – сказал один из присутствующих ученых. – Если они назовут проект «Тайфуном», это вовсе не будет говорить о том, что тайфун, который недавно прошел по южному побережью Китая, был вызван действиями американцев.

– Конечно, – согласился генерал Рукавишников. – Но когда ЦРУ разрабатывало проект «Президент», на Украине пришел к власти Ющенко, а в Грузии – Саакашвили. Сотрудники ФСБ помнят, что этот же проект пытались

разрабатывать и у нас, но они поставили на кандидата, который не собрал нужное количество достоверных подписей. Так, кажется… Хотя и это ни о чем не говорит, здесь я готов с вами согласиться.

– Тогда что же? – с легким раздражением, должно быть, от напоминания о тех выборах, поторопил генерала президент и переглянулся со своим помощником, который тут же сделал в рабочем блокноте какую-то короткую запись. – Есть у вас более конкретные данные? По существу вопроса. Или только предположения, основанные на названии проекта? Я думаю, что подобные предположения невозможно назвать даже рабочей версией.

– В юриспруденции существует такое понятие, как совокупность косвенных улик, – сказал Рукавишников, ничуть не смущаясь раздражением президента. – Я думаю, мы имеем полное право использовать эту методику при своем анализе ситуации. И здесь всплывает одна заметная подробность. В результате хакерских вылазок в Сеть конгресса мы сумели получить закрытые данные по финансированию различных научных проектов. В том числе и проекта «Жара». 150 миллионов долларов, выделенных не на год, прошу обратить на это ваше внимание, а единовременно! Весной нынешнего года, в апреле. И уже в мае был запущен в космическое пространство американский беспилотный корабль Х-37В[9 - Беспилотный космический корабль Х-37В находится на околоземной орбите и в настоящее время; вообще американская сторона держит в секрете длительность его полета.], миссия которого строго засекречена.

По агентурным данным, этот космический корабль имеет какое-то отношение к направлению, руководителем которого является профессор Кошарски. По крайней мере, из его лаборатории вывозили оборудование для установки на Х-37В, и несколько сотрудников Кошарски постоянно работают в американском Центре управления космическими полетами, хотя раньше их там не было. Это основные данные, на которые мы опираемся, выводя свое предположение и считая его вполне допустимым. У меня все…

Президент в задумчивости постучал тупым концом карандаша по столешнице, словно привлекая внимание, но сам, кажется, не заметил своего движения. И долго так стучал, сопоставляя услышанное с тем, что ему было известно о действительном положении в стране, то есть с тем, что все-таки считали необходимым докладывать ему многочисленные помощники.

– Да, наверное, это весомые аргументы. А чем нам грозит эта аномальная погода? Я не имею в виду пожары, засуху и вообще тот явный вред народному хозяйству, о котором все мы постоянно говорим. В военном плане чем грозит? В общих чертах. Есть, наверное, какие-то серьезные проблемы военного порядка? Что нам ПВО скажет?

Генерал-лейтенант Турмозов из Управления войск ПВО докладывал стоя. Впрочем, его доклад был предельно коротким, и можно было постоять, несмотря на свисающий на стол живот. Генерал на высоких докладах всегда вставал, чтобы в корне пресечь свою дурную привычку. Обычно он любил передергивать замок-«молнию» на ширинке форменных брюк, а в кабинете президента эту привычку могли неправильно понять, как и в любом другом кабинете высокого начальства. Но избавиться от этой привычки генерал не мог с детства, несмотря на все свои старания. И именно из опасения, что она проявит себя и во время доклада, произносимого стоя, генерал все доклады старательно делал краткими и четкими. Сам министр обороны принимал это за высокую степень ума и деловую хватку и любил, когда выступал генерал Турмозов.

– Антициклональное воздействие, когда атмосфера очищается от облаков, а в зону воздействия поступает разогретый воздух из смежных областей, в принципе опасно уже тем, что в нагретом воздухе повышается скорость и дальность полета крылатых ракет, усиливается эффективность действия космических разведывательных аппаратов и значительно увеличивается урон от нанесения точечных авиационных и ракетных ударов. Но здесь есть тонкость, которую все ракетчики после провала американцев в Ираке знают. Воздух нельзя перегревать до температуры выше 50 градусов, иначе просто не будут работать электронные прицелы, и точность катастрофически падает. Ракета может улететь на несколько десятков километров в сторону. Идеальной температурой для ракетного удара при чистом небе является температура порядка 35–40 градусов. При этом следует учесть, что в таких условиях существенно повышается потребление воды личным составом войск обороняющейся стороны, что повышает возможность воздействия химическим и бактериологическим оружием. Это же приводит к деморализации войск обороняющейся стороны и возникновению вспышек инфекций и аварийных происшествий.

– Известна ли достоверная практика хотя бы попыток применения климатического оружия? – задал вопрос президент.

Генерал нервно передернул плечами от жестокого желания сесть, но переборол себя, устоял на ногах и перевернул лист лежащей перед ним стопки с документами:

– Да. Во время войны в Югославии. Вот перевод материала из югославской газеты «Политика» того времени. Я цитирую: «Вечером 5 апреля небо над городом Нис было обложено плотными тучами, и все ждали, что вот-вот пойдет дождь. Донесся гул самолетов, после чего небо вдруг покраснело, облака начали сворачиваться и исчезать, выглянуло солнце. В ту ночь Нис разбомбили. Вечером следующего дня то же самое и в аналогичной последовательности повторилось над городами Неготин и Прахов».

Президент кивнул, и генерал Турмозов торопливо сел, как упал, уронив при этом руки на бедра. Роль любимчика начальства не мешала Турмозову сильно потеть, и даже не от жары, которой в этом кабинете, естественно, не было: об общих бедствиях здесь только говорили, сами бедствия в кабинет не допуская.

В этот раз президент не долго стучал по столешнице тупым концом карандаша.

– Кто у нас следующий докладывает?

– Согласно протоколу, моя очередь, – сказал генерал-майор Дошлукаев. – И в данном случае я могу сказать немного, но даже в этом немногом буду не в состоянии отказаться от критики в свой адрес. То есть в адрес структур, которые я представляю. И критика эта основывается, главным образом, на том, что в советские времена, когда я начинал служить, подобное было бы невозможным. А в теперешнем положении вещей у нас в стране считается само собой разумеющимся, что представители иностранных посольств имеют возможность, грубо говоря, разгуливать по России, и мы не имеем права без достаточных на то оснований контролировать их передвижение. А сами основания могут появиться только в том случае, если мы все же начнем эти разгуливания контролировать. То есть получается замкнутый круг. И только две случайности дали нам возможность…

Генерал вдруг остановился, вспомнив недавний фонтан и людей, в нем купающихся. Он сам не понял, откуда снова появился этот образ. Обычно какие-то второстепенные образы в серьезный момент возникают только благодаря какой-то ассоциации, но сейчас и соответствующей ассоциации не

просматривалось.

– Докладывайте, я слушаю, – поторопил президент.

– И только две случайности, – вернулся к действительности генерал Дошлукаев, – дали нам возможность получить информацию. Первый случай произошел в Псковской области, когда почти в приграничном районе, страдающем от засухи, но не от пожаров, объявился датский дипломат, которому там делать совершенно нечего, и был застигнут в момент снятия пострадавшего от жары прибора, отслеживающего кратковременную динамику климатической обстановки в регионе. Дипломат попытался применить при этом электрошоковый пистолет, нанеся травму случайно заставшему его фотографу. У нас даже есть снимок момента выстрела, и потому мы имеем обоснованные претензии к датскому посольству. Второй случай произошел в Самарской области, когда точно такой же пострадавший от жары прибор пытался снять с места установки канадский дипломат. Но выстрелить из такого же пистолета он попытался в офицера спецназа ГРУ, участника совместных антитеррористических учений спецназов внутренних войск, ГРУ и ФСБ. В этот раз дипломат пострадал сам, сорвавшись с обрыва. Исследования приборов дают основания предполагать, что они изготовлены в лабораториях войск НАТО, поскольку такие литиевые батареи используются только в натовских приборах и не имеют хождения в приборах бытовых. Стандартный натовский размер создавался специально, чтобы избежать возможности двойного использования. Допросы дипломатов ничего конкретного не дали, они просто сослались на то, что нашли в лесу какой-то прибор, которым заинтересовались, и доказать обратное мы возможности не имеем. Тем не менее наши аналитики уже по двум примерам делают вывод, что разведчики натовских стран пытаются проводить климатический мониторинг, чтобы определить точно, используется ли климатическое оружие против России. Их обеспокоенность на фоне многолетнего изменения климата в Европе вполне обоснована. В Канаде тоже чувствуют изменения. Это вся моя информация. К сожалению, я повторю: она основана только на двух случайных эпизодах, хотя этих эпизодов могло бы быть больше.

– Я не понимаю такой величины в работе спецслужб, как случайность, – сказал президент.

– Спецслужбы тоже не понимают, почему правительство Гайдара в свое время подписало конвенцию о возможности оперативного слежения за дипломатами

только в том случае, если известно, что эти дипломаты ведут разведывательную деятельность в стране своей аккредитации.

Генерал ответил так жестко, что даже президент такого не ожидал, и показалось, что все присутствующие задержали дыхание. Но генерал Дошлукаев продолжил:

– Могу добавить по теме, что в настоящее время разведчики разных государств НАТО, работающие под прикрытием дипломатического паспорта, пытаются собирать информацию по реальным срокам проведения в жизнь инициативы или реформы – не знаю, как это правильно назвать, – министра обороны по переводу большинства элементов военного командования России из Москвы в Санкт-Петербург. Всем известно, что Москва прикрыта противоракетным щитом, который создавался в течение 40–50 лет. Санкт-Петербург такого прикрытия не имеет и полностью открыт для проведения бомбардировок и ракетных обстрелов. Для поражения города ракетами стран НАТО требуется в общей сложности от одной до десяти минут. Иностранные военные специалисты не верят, что нашей армией руководит человек, способный подставить все военное руководство страны под возможный удар, и разведчики в настоящее время пытаются проверить это.

Президент опять постучал тупым концом карандаша по столу.

– Кто у нас следующий выступает?

Генерал Дошлукаев понял, что фонтан во время выступления ему вспомнился совсем не зря, и он, скорее всего, может из этого кабинета, не переодеваясь, поехать к фонтану, чтобы искупаться прямо в генеральском мундире. Но он выполнил свою задачу и громко сказал то, что не решались сказать старшие генералы. А сказать это прилюдно было необходимо. Однако услышал президент или не услышал, это осталось загадкой. Президенты разных стран имеют привычку воспринимать только то, что им хочется.

– Хотелось бы узнать мнение ученых, – подсказал помощник президента.

– Давайте…

ГЛАВА ВТОРАЯ

1. Россия. Спецназ ГРУ

– И как, Вал Саныч, пистолеты? – подполковник Лученков, заместитель командира бригады спецназа ГРУ и начальник боевой подготовки, выдвинув, как из ящика, из своей маленькой и юркой машины «Судзуки Джимни» неприлично широченные плечи, встретил отдельную мобильную группу подполковника Свентовитова на выходе с тренировочного полигона, сразу за шлагбаумом у будки внутреннего часового. – Что хорошего расскажешь?

Полигон имел обширную зону отчуждения, поскольку там проводились не только простейшие занятия – скажем, по прохождению полосы препятствий спецназа, существенно отличающейся дистанцией и сложностью от такой же общеармейской полосы, – но и совмещенные с занятиями стрельбы, и потому усиленно охранялся, чтобы не допустить посторонних в возможную зону поражения выстрелом. А зона эта имела расплывчатые контуры и не определялась четко. В любом месте при прохождении полосы компьютер, используя в расчетах систему случайных чисел фон-Ноймана, то есть тот же принцип, что используется во всех лотерейных автоматах, давал команду машине, посылающей мишени в полет или в движение. И машина тут же «выстреливала». Причем и мишени были разными – в машину можно было зарядить и пустую консервную банку, и бегущего фанерного человека. Скорость их полета или бега была разная, и даже направление полета мишени могло варьироваться от горизонтального до вертикального, и практически никогда не повторялось в одном месте. За исключением повторений следила специальная программа-блокиратор того же управляющего компьютера. И стрелять приходилось из того оружия, что было в руках, в соответствии с приказом командира, то есть и из автоматов, и из пистолетов, одного или двух, в зависимости от плана подготовки – на бегу, при ползании под колючей проволокой, за спину, вперед, в стороны и даже почти одновременно. Каждый раз компьютер, фиксирующий с помощью фотоэлементов нахождение бойца, подкидывал новую, более сложную задачу, считая ее максимально приближенной к боевой, а иногда и активировал взрывпакеты, если боец не мог самостоятельно определить их взглядом и оказывался на опасной для себя дистанции от «заминированного» участка. Работать на полосе, несмотря на все сложности, бойцы любили, потому что это было намного интереснее, чем,

скажем, ползанье в зарослях под присмотром таких же фотоэлементов и микрофонов, чуткостью сравнимых с человеческим ухом, которые при обнаружении ползущего поднимали тревогу.

Полигон был новинкой, оборудованной за счет средств, добытых всеми правдами и неправдами самим спецназом ГРУ, вплоть до того, что снималось финансирование с ремонта квартир в ДОС[10 - ДОС – дома офицерского состава; как правило, городок, где жили офицеры и члены их семей, примыкающий непосредственно к воинской части.] бригады, чтобы заткнуть необходимые дыры в оборудовании полигона. И приесться такие занятия еще не успели. Пока шла отладка оборудования, полигон использовался только для занятий отдельных офицерских мобильных групп, но вскоре сюда же планировалось запускать и солдат, хотя для них программа готовилась менее сложная, которую реально было освоить за укороченный период службы, хотя и с трудом.

В данном случае отрабатывалась стрельба из недавно полученных по программе перевооружения пистолетов Ярыгина «грач»[11 - Пистолет Ярыгина МР-443 «грач» официально был принят на вооружение еще в 2003 году взамен морально устаревших пистолета Стечкина и пистолета Макарова, совмещая отдельные положительные черты и того и другого. Однако перевооружение затянулось на долгие годы, и во многих даже боевых частях про это оружие пока еще не слышали.]. Первыми оружие должны были опробовать тоже отдельные мобильные офицерские группы как наиболее подготовленные в боевом плане и способные дать грамотную характеристику новинке.

– Разве что тяжеловат, – вяло ответил подполковник Свентовитов, избегая давать оружию, только-только опробованному, преждевременную категоричную характеристику. – Хотя и легче «стечкина», но тяжелее «макарова». А так бой вроде бы хороший, прицел удобный. По ощущениям на «беретту-92» похож. Может быть, чуть-чуть более конкретный. Более подробно скажу после нескольких стрельб.

– Хорошо. Оборудование работало без сбоев?

– Есть некоторые моменты, которые нужно «доводить».

– Рапорт напиши.

– Напишу. А ты что, Андрей Ильич, специально с этим вопросом приехал?

Подполковник Лученков приехал с другим вопросом – это Валентин Александрович понял сразу, только увидев на правом пассажирском сиденье человека в гражданской одежде и в возрасте, в котором проходить даже простую армейскую полосу препятствий уже бывает сложновато, не говоря уж о полосе препятствий спецназа ГРУ. И человек этот, чтобы слышать разговор двух подполковников, наполовину приспустил в дверце стекло, словно мечтал подышать гарью, идущей от недалеких бушующих лесных пожаров. В обыденной обстановке без очевидной необходимости никто старался стекла в дверцах машин не опускать.

– Нет, я за тобой. Отправляй своих, пусть пивка попьют после работы. В такую погоду пивко будет кстати, а мы с тобой поехали.

– Они у меня, Андрей Ильич, пиво не пьют ни при какой погоде.

– Что так, трезвенники?

– Нет. Просто я сумел их убедить, что от литра водки вреда меньше, чем от литра пива.

– Вреда? – не понял Лученков. – А я вот, грешен, любитель… Да еще с рыбкой…

– Основа пива – шишки хмеля и солод. Шишки хмеля в большом количестве содержат фитоэстрогены. Эстроген – это женский половой гормон, противоположный мужскому тестостерону. В организме мужчины фитоэстрогены давят тестостерон, вследствие чего у мужчин увеличивается грудь, расширяется таз, перестают расти борода и усы. Кроме того, подавляется половая энергия, превращая мужиков в баб. У женщин избыток эстрогенов вызывает онкологические гинекологические заболевания, да и просто разрушает организм. Таким образом, мы всей группой пришли к выводу, что пиво – это напиток педиков, а для людей вреден. Как и современная колбаса, которую мы тоже не едим.

– А за что колбасу обижаешь? – спросил Лученков.

– В современной колбасе мяса нет, в основном соя. А в сое фитоэстрогенов еще больше, чем в хмеле. Кстати, говорят, что много этой гадости и в клевере. И когда стадо коров пасется на клеверных лугах, у коров катастрофически падает рождаемость. Я надеюсь, что в семьях моих офицеров рождаемость падать не будет…

Лученков сначала только пожал плечами, потом все же ответил:

– Озадачил ты меня. А я вечером мечтал пивка попить… Теперь подумаю. Ладно, едем.

Грузовой тентированный «КамАЗ», на котором ОМОГ Свентовитова приехала на полигон, стоял неподалеку. Офицеры группы уже услышали приказ заместителя командира бригады и, не дожидаясь дополнительного приказа своего командира, направились к грузовику, а Валентин Александрович – к маленькому внедорожнику подполковника Лученкова. Человек в гражданском вышел из машины, кивнул, здороваясь со Свентовитовым, и посторонился, давая возможность Валентину Александровичу сдвинуть переднее сиденье, чтобы усесться на заднее. Иного способа загрузки пассажиров в «Судзуки Джимни» не предусмотрено конструкцией. Лученков с пассажиром заняли свои места, и машина двинулась в сторону военного городка, не дожидаясь грузовика…

* * *

Пересекли военный городок, непривычно пустой в то время, когда большая часть солдат были заняты на тушении лесных пожаров и на защите окрестных деревень от огня. Там же находилась и значительная часть техники, которую можно было использовать. Заместитель командира бригады по технической части нашел где-то в соседнем городке бригаду слесарей-сварщиков, привез хороший листовой металл и умудрился поставить на две боевые машины пехоты плуги, поднимаемые в случае ненадобности стандартными лебедками. Эти БМП, заменяя дефицитные в такое время бульдозеры, окапывали деревни высокими рвами и валами, через которые огонь перескочить был не должен. Саму территорию воинской части и ее подведомственные строения окопали в первую очередь. Имеющиеся в наличии в бригаде три пожарные машины постоянно держали на дежурстве, но часто приходилось выезжать и на помощь гражданскому населению. Боевая учеба в такие сложные дни была отложена до лучших времен, и только три ОМОГ продолжали подготовку. Все они готовились

к скорой командировке на Северный Кавказ. Подполковник Свентовитов после приезда Лученкова прямо на тренировочный полигон резонно предположил, что его группу командировка ждет скорая и, возможно, отличная от привычных, потому что человек в гражданском явно прибыл для того, чтобы именно с Валентином Александровичем познакомиться. Знакомство состоялось, хотя представления пока еще не было.

Машина остановилась у штабного крыльца. Вышли сразу, и подполковник Лученков повел всех не на третий этаж в свой кабинет, а на второй, в кабинет начальника штаба бригады. Впрочем, начальника штаба на месте не оказалось, да его и не должно было там быть. Свентовитов знал, что полковник уже несколько дней сам командует тушением лесных пожаров и не возвращается в расположение части даже на ночь.

– Кабинет в вашем распоряжении, – подполковник Лученков открыл дверь вытащенным из кармана ключом и передал его не Валентину Александровичу, а человеку в гражданском. – Я в приемной посижу. Если что, зовите. Там есть кнопка под столешницей слева. Звонок громкий, я услышу.

Человек в гражданском вошел первым. Свентовитов проследовал за ним, не дожидаясь приглашения, но интересуясь, куда гость сядет. Тот сел на место начальника штаба и показал рукой на место против себя. Валентин Александрович сел.

– Ну, вас и о вас я кое-что знаю. Теперь разрешите и мне представиться, – сказал человек в гражданском. – Генерал-майор Дошлукаев, Федеральная служба безопасности. Зовут меня Михаил Викторович. Поскольку я не в форме, наверное, можно меня называть по имени-отчеству. Пора мне, кажется, привыкать… Да сиди ты, сиди… – пресек он попытку подполковника встать по стойке «смирно». – Нам с тобой много беседовать, а беседовать лучше сидя. И к этому мне, возможно, пора привыкать…

– На пенсию собрались, товарищ генерал? – спросил Свентовитов, пытаясь поддержать почти душевный тон генерала.

– В отставку, – ответил тот, не уточняя, по каким обстоятельствам он думает об отставке. – Но об этом как-нибудь… Не за пивом, а за чаем. Чай фитоэстрогены не содержит?

– Не слышал. Едва ли.

– И хорошо. Значит, как-нибудь чайку попьем. Я зеленый люблю. А сейчас давай о делах.

Валентин Александрович молча кивнул. Он не умел быть подобострастным перед старшими по званию. Хотя общаться с генералами привычки не приобрел, поскольку в спецназе ГРУ вообще генералов нет. Там даже командующий имеет только полковничью должность и носит одинаковые погоны с командирами бригад и с несколькими начальниками штабов бригад. Тем не менее легкое напряжение подполковник все же чувствовал.

– Мне о тебе самом и твоей группе рассказывал мой начальник генерал-лейтенант Тарасько. Ты тогда на учениях ловко всех провел – и наших, и внутривойсковиков оставил с носом. Это именно та причина, по которой в нашей операции решено задействовать именно твою группу, а не наш спецназ. Ты хорошо генерал-лейтенанта знаешь?

– Видел минут 20.

– Значит, он тебя хорошо знает. Расскажи, как наш спецназ умудрился вас из своей ловушки выпустить?

– Просто. Они мимо нас прошли, а мы ушли им за спину, а потом между вашими и внутривойсковиками через кусты проползли, – проявил скромность Свентовитов.

– Насколько я знаю, островок, куда вас загнали, был окружен полностью. И по реке, и по суше. Как наши мимо прошли? Не очень представляю.

– Да просто, товарищ генерал. Мы им даже мостик сделали. Они по нему и прошли. Там бревна лежали спиленные, противопожарную просеку делали. Мы бревна и перетаскали. И положили их почти на воду. А чтобы не уплыли, на плечах их держали. Ваши по нашим плечам прошли и нас не увидели. Для этого нам, правда, пришлось рожами в грязи искупаться. Но ничего, грязь смывается…

– Да, террористы из ваших парней получились бы отменные, – оценил генерал умение спецназа ГРУ маскироваться.

– Мы не террористы. Мы – диверсанты. Военные разведчики – диверсанты. Я лично вижу в этих терминах большую разницу.

Голос подполковника звучал достаточно твердо. И генерал не стал настаивать на своей формулировке. Он вообще, кажется, проникся восхищением.

– Разве в названии дело? Дело в том, как дело делается, и какое дело! Извини уж за такие филологические то ли изыски, то ли извращения. Но нас очень устраивает умение твоей диверсионной группы работать, умение дело делать. Теперь вопрос на засыпку. Это все были заготовленные варианты? Разведка сработала?

– Исключено. Опечатанные пакеты с легендой вскрывали при нас и при представителях каждой из сторон. Сургучные печати, конечно, можно так вскрыть, что потом никто не догадается, только зачем это делать? Кажется, легенду не знало даже руководство учений. Мне, по крайней мере, именно так показалось. Там были открытые вопросы, которые прорабатывались на ходу, уже рабочим порядком. И все наши действия построены на импровизации.

– Трудно в это поверить, – генерал отчего-то вздохнул.

– Можно поверить. Вы бы, товарищ генерал, не ждали нас сегодня на КПП с подполковником Лученковым, а прошли на полигон и посмотрели на наши занятия. Тогда бы вы больше поняли. Еще лучше, сами попробовали бы пройти дистанцию хоть раз. Хотя бы уполовиненную полосу, солдатскую. Но я и объяснить могу. Любая импровизация возможна, когда существуют во множественном числе наработанные варианты. Чем больше вариантов, тем легче найти аналогию и наиболее подходящий способ действий. А все остальное делается уже за счет тренированности. Физическая подготовка, умноженная на умение терпеть все, причем неограниченное количество времени, – это в нашей специализации главное. Так что, не хотите полигон навестить?

– Это не мой профиль. Я больше специализируюсь по выработке разных хитростей, сидя за картой или над материалами какого-то дела. У вас наработки боевой деятельности, у меня наработанные базы данных. Я тоже использую аналогии, только в другом профиле. А в итоге мы друг без друга не можем. Но мы друг другу нужны, потому что одно дело делаем.

– Здесь я соглашусь. И готов выслушать, какие хитрости вы для нас придумали. Для диверсантов, которых вы готовы к террористам отнести.

Это уже было сказано без прежней серьезности, и генерал понял тон сказанного. Но тут же решил перейти на более деловой тон:

– Слушай, диверсант. Только в данном случае задача будет, пожалуй, более близкая к термину «террорист», если вообще не применять криминальную терминологию, в которой я, признаюсь, не силен, поскольку с криминалитетом дела имел мало, а если и доводилось, то всегда старался избегать их словечек. Не по нраву они мне. Это президент наш может даже в телевизионном выступлении так говорить. А нам, простым смертным, это не дозволительно.

– Рад поработать с культурным человеком, – согласно кивнул подполковник Свентовитов. – Я слушаю вас очень внимательно.

– Начать я вынужден буду издалека…

– Тогда я смогу, думаю, больше понять.

– Именно это мне и нужно. Чтобы ты всю серьезность и ответственность дела не просто понял, но и прочувствовал. Иначе, без этого осознания, можешь вообще, чего доброго, отказаться от операции. Я не буду, конечно, говорить, что не советую этого делать, потому что подобные слова будут похожи на угрозу, а таким людям, как ты и твои парни, угрожать рискованно. Я просто скажу, что твоя группа – это лучшее, что мы смогли найти для выполнения такого, я бы сказал, щекотливого задания. И опасного, поскольку, с официальной точки зрения, оно должно преследоваться не только нашими законами, но и законами других стран, а мы в данном конкретном случае не сможем обеспечить прикрытие никаким образом. Мы вообще вынуждены будем в случае провала от тебя откреститься.

– «Автономка»… – с пониманием сказал подполковник Свентовитов. – Это нормальное понятие. Для всех нас нормальное, хотя только теоретически. Мы знаем, что иногда такая работа должна встречаться, но на нашем коротком веку мою группу подобные варианты стороной обходили. И я понимаю, что для осознания ответственности порученного одного приказа может быть мало. Единственное, что меня в данном вопросе беспокоит – это отношение моего

непосредственного командования к конкретной операции. Если операция перешагивает черту закона и операция при этом разрабатывается и проводится другим ведомством, не имеющим к Министерству обороны никакого отношения, мне и моим офицерам необходим будет приказ по перекомандированию.

Генерал Дошлукаев согласно кивнул:

– Это естественное положение вещей. И я ждал такого условия, или, точнее, вопроса, и потому начал именно с него. Конечно, даже командир вашей бригады не может взять на себя ответственность. К вашему «директору мебельного магазина»[12 - «Директор мебельного магазина» – устоявшееся в войсках прозвище министра обороны.] мы обращаться не стали, потому что это дело вообще выше уровня его интеллекта; кроме того, все знают, как к нему относятся в войсках. Его распоряжение могло бы только повредить делу. А если бы он вообще попытался проявить инициативу, это уже грозило бы полным провалом и трагедией для страны. Мы обратились напрямую к начальнику ГРУ и командующему войсками спецназа ГРУ и получили согласие, хотя тоже не сразу. Пришлось и им сообщить предысторию, которую я собрался рассказать тебе. Такой уровень согласования тебя устроит?

– Вполне.

– Отлично. Согласие мы получили. И только после этого меня направили к вашему командиру бригады – и, в итоге, мы сидим с тобой в этом кабинете и беседуем. А результатом нашей беседы должно стать насильственное возвращение на родину некоего специалиста, покинувшего некогда пределы страны вместе с документами, выкраденными из лаборатории, в которой он работал в советские времена. Лаборатория потом сидела без финансирования, как и весь Институт физических проблем, и многие специалисты покинули стены заведения. В поздние годы перестройки это было обычным явлением. В число эмигрантов попал и наш Объект. Но он оказался человеком прозорливым и предвидел, куда идет дело. Предательство Горбачева привело к тому, что все материалы из архива Института физических проблем были предоставлены американцам. В том числе и материалы по созданию так называемых «лучей смерти». Это мощнейшее оружие, созданное в качестве проекта еще в конце 40-х – в начале 50-х годов под руководством академиков Капицы и Ландау, по своему потенциалу значительно превосходило вошедшее тогда в моду ядерное оружие. Но проект был заморожен по приказу Берии, который лично курировал всю советскую ядерную программу. Тем не менее в более поздние годы все-таки

был создан комплекс «Гранит», о котором в широких кругах пока известно мало. Он существует в нескольких опытных образцах, и держатся эти образцы в законсервированном состоянии по причине отсутствия некоторой ключевой документации. Так вот, американцы, когда в горбачевские времена были допущены к архивам Института физических проблем, тщетно эти документы искали. Они исчезли. Исчез и наш Объект. Как нам известно, он скрылся вместе с этими документами, которые намеревался продать так, чтобы стать весьма значительным человеком в современном мире. Он предлагал документы разным странам. Но никого не устроила цена, которую Объект запрашивал, потому что никто не верил в возможность создания такого оружия. История в чем-то схожа с сюжетом книги про гиперболоид инженера Гарина. В настоящее время Объект нашел состоятельного финансиста и создал небольшой образец оружия, разработанного в Советском Союзе. Причем разработанного не им и даже не под его руководством. Он был просто одним из научных сотрудников лаборатории. Права на это оружие, по логике, принадлежат России как правопреемнице СССР. Но дело даже не в этом, не в справедливости, а в том, что небольшой образец оружия предназначен для демонстрации возможностей большой установки, создать которую можно только при государственном финансировании. По данным нашей Службы внешней разведки, Объект собирается провести испытания, а потом объявить своеобразный аукцион. Причем ему, насколько нам известно, безразлично, кому установка будет продана. И в настоящее время интерес к ней проявляют даже террористические организации исламистского толка.

– Признаться, мне мало верится в возможность существования современного «гиперболоида». Пусть он и создан в Советском Союзе. Поражающая сила луча слишком мала, чтобы стать серьезной и значимой величиной. Кажется, американцы проводили испытания такого оружия и в результате отказались от проекта «звездных войн».

– Комплекс «Гранит» использует как поражающий фактор не лазер, а мазер. Это устройство, использующее луч в радиочастотном диапазоне. Лазер там тоже имеет место, но только как средство точного наведения. «Гранит» несколько раз испытывали, и результаты были впечатляющие. Самый наглядный пример, о котором мне известно: когда американские космические челноки «Шаттл» стали регулярно летать над нашей территорией и американцы вообще никак не реагировали на все меры дипломатического протеста, в дело запустили именно «Гранит». Правда, на очень ограниченной мощности. В результате удара мазера весь экипаж «Шаттла» на несколько часов потерял сознание, и челнок стал неуправляемым, потому что вся его аппаратура вышла из строя. Экипаж

впоследствии сажал челнок в ручном режиме на той резервной аппаратуре, что была отключена в момент получения удара и потому могла еще функционировать. Такого аргумента хватило, чтобы полеты над нашей территорией прекратились.

– Да, наверное, это хорошая штучка, – сдержанно сказал подполковник Свентовитов.

– Это пустяки в сравнении с главными возможностями подобного оружия. Американцы пошли чуть по другому пути, создав проект ХААРП. В распоряжении американской «лаборатории Филипса» в настоящее время три мощных антенных поля – на Аляске, в Гренландии и в Норвегии. Эти поля способны производить выброс ионных пучков высокой мощности, которые, достигнув плотных слоев стратосферы, отражаются от них, как от зеркала, и возвращаются на землю. Просчитать попадание несложно, поскольку закон физики говорит, что угол падения равен углу отражения. И есть основания считать, что экстремальная жара этого лета есть не что иное, как испытание американцами этого оружия. Но комплекс «Гранит» несопоставим по финансовым и энергетическим затратам с ХААРПом, теоретически обладая при этом большими возможностями, и работать может на том же самом принципе отраженного луча. Не хватает малого – ключевой документации. Современные ученые говорят, что им для воссоздания достаточно мощного «Гранита» требуется не менее 30 лет и колоссальное финансирование. К сожалению, ни Ландау, ни Капицы, которые все просчитали теоретически, не имея даже компьютера, в современном ученом мире России не просматривается.

– И документы очень нужны… – сделал вывод подполковник.

– Желательно вместе с Объектом, – добавил генерал. – С чего думаете начать готовиться?

– В какой стране будем работать?

– В Польше. Страна – член НАТО. Это уже многое говорит. И с традиционным негативным восприятием российских интересов.

– Понятно. Однако поляки – братья-славяне, и их легче понять, чем, скажем, немцев. Кстати, у меня в группе есть этнический поляк – старший лейтенант

Лассовский. Начнем с простейшего. Сегодня же выскажу группе запрет на бритье. Нам всем, как я полагаю, желательно потерять облик офицеров…

2. Северо-Западный Пакистан. Палаточный лагерь «Талибан». 60 километров от городка Чарсадда

– Что тебе, Сарбаз? – спросил высокий стройный человек в чалме, коротко глянув на вошедшего в палатку, и разжал кулак, в котором задумчиво держал свою длинную бороду.

– Мне, господин полковник, необходимо в Чарсадду съездить, – наклонив голову, согласно восточному обычаю, тем не менее не настолько сильно наклонив, чтобы это движение можно было принять за самоунижение, сказал вошедший. Голову он именно наклонял, а не склонял. – Все аккумуляторы сели. Зарядить необходимо.

– А что дизель? Чем не устраивает?

Дизельная станция на тракторной тележке обеспечивала электричеством два с небольшим десятка палаток в палаточном городке афганских пуштунов, нашедших здесь, согласно официальной версии, статус политических беженцев. Дизельная станция была небольшая и не сильно прожорливая, несмотря на круглосуточную работу, и давала возможность так называемым беженцам пользоваться определенными благами цивилизации.

– Скачки напряжения слишком сильные. Боюсь, полетит компьютер. Вчера в нижней большой палатке холодильник сгорел. Аккумуляторы надежнее. Я ненадолго. Часа за три управлюсь. И два часа на дорогу туда и обратно. Всего пять часов.

– Ладно. Возьми мой «уазик». Я позвоню на выезд. Скажу, чтобы пропустили. Дождей уже два дня не было. Должен проехать. Дорога почти подсохла.

Полковник Харун Самарканди хорошо знал, что Сарбаз устроил жену с малолетними сыном и дочерью, в отличие от большинства бойцов отряда, не в нижнем гражданском лагере, а в городке у дальних родственников своего отчима. Это создавало, понятно, свои удобства, но и неудобства тоже были.

Сарбаз стеснялся откровенно сказать, что ему хочется навестить семью, и каждый раз придумывал какую-нибудь новую причину для поездки. Самарканди понимал состояние парня, но он не был настолько добрым, чтобы потакать расслаблению в такой трудный для всех период; однако полковник настолько нуждался в Сарбазе, грамотном инженере-компьютерщике, что позволял себе и тому расслабляться. Тем более что скачки напряжения дизельная электростанция все-таки давала, и сжечь компьютер было бы большей бедой, чем сжечь холодильник.

Сарбаз направился к выходу, теперь уже склонив голову с благодарностью и даже приложив руку к сердцу, и Самарканди добавил ему в спину:

– Но постарайся все же побыстрее вернуться. Сегодня может прийти нужное сообщение, и нам, возможно, потребуется уехать. Ты можешь поехать со мной. Это еще не точно, но твоя работа может понадобиться.

Сарбаз обернулся:

– Надолго?

– Не могу сказать точно. Все зависит от того, как пойдут дела.

– Мне позволено будет спросить, куда?

– В Европу. Самолет уже готовят к вылету. Значит, и тебе нужно поторопиться.

– Для такой поездки тем более нужны свежие аккумуляторы. Я подкуплю комплект.

– Их можно будет в Европе подкупить. Там и дешевле, и проще.

Сарбаз снова поклонился и вышел.

* * *

Когда отряд талибов вместе с семьями вышел из Афганистана через пакистанскую границу, здесь, в Северо-Западном Пакистане, родственные пуштунские племена встретили их хорошо, и местная администрация помогла чем смогла. И можно было бы спокойно отсидеться в палаточном лагере до лучших времен. Кто-то и предпочел бы отсидеться, но только не афганцы. За всю историю страны они выдержали множество массированных нашествий, начиная Александром Македонским, захватившим Согдиану и Бактрию, и кончая англичанами в конце девятнадцатого века и русскими во второй половине века двадцатого. Но никто не сумел покорить афганцев, несмотря на то что сами афганцы состояли из множества народов, не всегда находящих общий язык друг с другом. Однако когда появлялся внешний враг, объединялись все племена. Так было в веках, так продолжалось и теперь. Следующее нашествие стало самым безжалостным и массированным – американское. Но никто уже не знал, сколько американцы смогут здесь продержаться. Они не умеют жить в условиях постоянной войны. А афганцы умеют.

Чтобы сократить срок пребывания американцев в Афганистане и, соответственно, свой срок пребывания в Пакистане, полковник Самарканди довольно часто сам или с помощью своих младших командиров возвращался на родную землю, чтобы нанести неожиданный удар и уйти туда, куда американцев не пускают. И только в последние два месяца американцы стали жить чуть-чуть спокойнее. Северо-Западный Пакистан залило ливнями, вышли из берегов все реки и ручьи, смыло множество населенных пунктов, деревень и небольших городов, и миллионы людей, как говорили, остались без жилья и без средств к существованию. И беженцы-афганцы, устроившие свой лагерь в таком месте, где их никакое наводнение достать не смогло бы, находились в лучшем положении, чем местные жители. Конечно, с продовольствием и у афганцев стало хуже. Но все же они имели собственные склады с запасами. И держались пока без голода. А в последний свой поход на родину полковник вернулся с целым караваном продовольствия, добытого с правительственных складов. Этих запасов хватило бы надолго, но Самарканди умел ценить доброе к себе отношение, оставил месячный скудный запас, а все остальное приказал раздать местным жителям, которые когда-то поддержали его. Да и находились местные пуштуны сейчас в гораздо худшем положении, чем пуштуны афганские. Помощь им требовалась незамедлительная, а крупные государства и даже сам Пакистан слишком долго раскачивались с помощью официальной, словно не понимали, что пустой желудок ждать не умеет. И если помощь не подоспеет вовремя, то она и вовсе никому уже не понадобится.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Этот сюжет обошел весь Интернет в середине августа 2010 года.

2

К сожалению, программа эта открыто продается через Интернет, и применить ее может каждый преступник, что говорит о необходимости всем абонентам сотовой связи держать язык за зубами.

3

«Подснежник»– коротковолновая миниатюрная радиостанция ограниченного радиуса действия, предназначенная для связи внутри группы. Состоит из собственно радиостанции, размерами лишь слегка превышающей обыкновенную трубку сотового телефона, наушника, вставляемого в самое ухо и потому практически невидимого, и микрофона, крепящегося на гибком «поводке» к воротнику.

4

Фирма «Макдоналдс», пичкающая россиян гамбургерами, чизбургерами и прочей генно-модифицированной продукцией не первой свежести, является канадским предприятием, а вовсе не американским, как принято считать.

5

Кулер – аппарат для охлаждения воды. В США ставится практически в каждом офисе.

6

Вест-Пойнт – старейшее и наиболее прославленное военное училище США. В конце XX века приобрело статус академии.

7

ХААРП (HAARP) – долговременный и очень дорогой проект, разрабатываемый в США под патронажем ВВС и ВМФ. На территории 60 квадратных километров развернута сеть из 360 антенн, которые совокупно составляют излучатель сверхвысоких частот, посылающий радиоволны в частоте от 2,8 до 10 мегагерц и мощностью в 1,7 миллиарда ватт.

8

Авроральные течения – потоки заряженных частиц из космоса, иногда называемые «солнечным ветром», который «дует» по линии магнитного поля Земли. Одним из проявлений авроральных течений является всем известное северное сияние.

9

Беспилотный космический корабль X-37B находится на околоземной орбите и в настоящее время; вообще американская сторона держит в секрете длительность его полета.

10

ДОС – дома офицерского состава; как правило, городок, где жили офицеры и члены их семей, примыкающий непосредственно к воинской части.

11

Пистолет Ярыгина МР-443 «грач» официально был принят на вооружение еще в 2003 году взамен морально устаревших пистолета Стечкина и пистолета Макарова, совмещая отдельные положительные черты и того и другого. Однако перевооружение затянулось на долгие годы, и во многих даже боевых частях про это оружие пока еще не слышали.

12

«Директор мебельного магазина» – устоявшееся в войсках прозвище министра обороны.

Купить: https://tellnovel.com/ru/samarov_sergey/anomaliya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить